

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**КОГНИТИВНО-КОННОТАТИВНЫЕ
ПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ**

А.С. ПУШКИНА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология, профиль Отечественная филология
очной формы обучения, группы 02031406
Шидловской Ларисы Александровны

Научный руководитель
д.фил.н., профессор
Озерова Е.Г.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНО- КОННОТАТИВНОЙ ПРИРОДЫ ТЕКСТОВ А.С. ПУШКИНА	6
1.1. Интерпретация теории когнитивной коннотации в современной лингвистике.....	6
1.2. Взаимодействие смыслового развёртывания и коннотации.....	17
1.3. Коннотативные доминанты текстов сказок А.С. Пушкина.....	26
ГЛАВА 2. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОННОТАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ А.С. ПУШКИНА ...32	
2.1. Лексико-семантические особенности старославянизмов в текстах сказок А.С. Пушкина.....	32
2.2. Народность пушкинских сказок.....	39
2.3. Выразительные средства лексики в текстах сказок А.С. Пушкина....	45
2.4. Старославянские и церковно-славянские фразеологические единицы в прозе А.С. Пушкина.....	52
2.5. Функционирование изобразительно-выразительных средств в повестях А.С. Пушкина.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	70

ВВЕДЕНИЕ

Александр Сергеевич Пушкин – великий поэт, знакомый нам с детства. Творческое наследие писателя достаточно разнообразно: в одних произведениях воспевается любовь, в других высмеиваются пороки государства, в третьих мы видим светлое чувство в его коварном, жестоком проявлении. И до сих пор удивительным остается то, как автору многочисленных произведений удалось преобразить русский литературный язык, использовать в плодах своего творчества как высокую, так и низкую лексику, создавать тексты в народном стиле и при этом не забывать о прозаическом тексте. Пушкин трепетно относился к проблеме народности литературного языка.

В своих заметках Пушкин указывает на народный язык как на основной источник литературного языка: «Есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч.» [Бейсов 2009: 25]. Он призывает писателей в своих рассуждениях вслушаться в простонародное наречье: «Вы в нем можете научиться многому» [Бейсов 2009: 27].

Пушкин осуждает отдаленность литературного языка от народного: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращается к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» [Эпштейн 2005: 15].

В отличие от таких деятелей прошлого, как Тредиаковский и Сумароков, и таких своих современников, как Карамзин, выдвигавших положение о сближении литературного языка с разговорным, Пушкин утверждает положение о сближении литературного языка с народным языком в самом широком смысле этого слова, положение о народной основе литературного языка. Пушкин обращает внимание на необходимость изучения народного языка и речи: «Разговорный язык простого народа достоин также глубочайших исследований. Альфьери изучал итальянский

язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» [Винокур 1999: 45].

Пушкин проявлял живой интерес к народному языку. Он путешествовал, беседовал с гусярами и крестьянами, увлеченно слушал сказки своей няни, записывал легенды, пословицы, поговорки, выражения. Обосновывая необходимость сближения литературного языка с народным, Пушкин понимал, что литературный язык не должен представлять собой простую обработку народного языка, не должен отвергать всего, что было накоплено в процессе развития литературного языка.

Богатый, разностилевой язык художественных текстов Пушкина поражает своей точностью, реализмом, экспрессией. В нем в один мощный речевой поток сливаются разнородные струи, идущие из языка древнерусских письменных памятников, фольклора, общей разговорной речи народа, литературного, письменного языка времени Пушкина. Основой является устная народная речь. На языке художественных текстов Пушкина отразилась огромная работа поэта по отбору необходимых для выражения мысли языковых элементов как современных ему, так и оставшихся от прошедших эпох в качестве языкового наследия.

Каждый из нас с раннего детства знаком с текстами известного русского поэта А.С. Пушкина. Он писал эти произведения, выражая чувства и интересы русского народа в духе народного творчества. Имена придуманных им героев многозначительны, а при помощи созданного поэтом литературного языка он смог передать многогранные нюансы русской души.

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его

пространство» [Гоголь 2004: 65]. Язык текстов Пушкина тесно связан, неотделим от русского литературного языка.

В связи с этим **актуальность** исследования определяется тем, что творчество Пушкина было, есть и будет национальным достоянием, а на произведениях знаменитого поэта растет новое поколение всей планеты.

Объект изучения – художественные тексты А.С. Пушкина.

Предметом исследования является дискурсивное пространство художественных текстов А.С. Пушкина, рассматриваемое в стилистическом, коннотативном и лингвокультурологическом аспектах.

Целью исследования является анализ особенностей языка художественных текстов А.С. Пушкина. Для достижения указанной цели в ходе исследования решались следующие **задачи**:

- 1) рассмотрение лексических средств в художественных текстах А.С. Пушкина;
- 2) выявление особенностей старославянизмов в текстах сказок А.С. Пушкина;
- 3) выявление старославянских и церковно-славянских фразеологических единиц в прозе А.С. Пушкина;
- 4) определение народности пушкинских сказок;
- 5) определение доминант выразительных средств лексики.

В ходе исследования мы применяли **описательный, культурологический, сравнительно-исторический, аналитический, генетический методы**, которые определились в соответствии с целью работы. **Структура** курсовой работы: исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНО- КОННОТАТИВНОЙ ПРИРОДЫ ТЕКСТОВ А.С. ПУШКИНА

1.1. Интерпретация теории когнитивной коннотации в современной лингвистике

Научную парадигму современной лингвистики можно охарактеризовать интегративными тенденциями в стремлении исследователей к познанию мира, лингвокреативностью, синтезом когниции и коммуникации [Кубрякова 2004: 78], а также полипарадигмальностью.

Как верно замечает И.А. Щирова, когнитивно-дискурсивная парадигма современной лингвистики связывает семантическое содержание языкового выражения не столько с онтологическими свойствами объекта, сколько с субъективным способом их представления [Щирова 2003: 80].

Характерное главенствующему в лингвистике прежде системно-структурному подходу стремление представить язык в виде набора алгоритмических схем и правил, не обращаясь к каким-либо когнитивным способностям человека, сегодня лишено достаточного основания, «поскольку общий когнитивный аппарат не может быть игнорирован языком, а разум человека и язык не могут использовать различные виды категоризации» [Шумилова 2009: 145].

Е.С. Кубрякова справедливо указывает на то, что определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в процессе коммуникации, его понимание как средства доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в человеческой голове и определяющим его личное бытие и функционирование в обществе, позволяет рассмотреть языковые категории и единицы в тесной связи с памятью и восприятием человека, его эмоциями и воображением, мышлением [Кубрякова 2004: 9].

Актуальность исследования некоторых, вроде бы, в полной мере изученных языковых явлений, возросла из-за изменений научной парадигмы.

К этим явлениям относится коннотация. Интенсивное развитие когнитивной лингвистики и психолингвистики, антропоцентрический подход в лингвистике обуславливают актуальность изучения коннотации. Например, исследования Л.В. Сахарного в области психолингвистики показали, по мнению И.А. Стернина, глубину значения слова, которое отражает в своей структуре многочисленные и разнообразные признаки действительности. В то же время современная когнитивная лингвистика углубляет и развивает наши представления о фиксируемом словом знании, по-другому трактуя многие традиционные научные проблемы [Стернин 2006: 55].

Ряд исследователей, работающих на стыке когнитивной лингвистики и психолингвистики (Н.Ф. Алефиренко, Л.М. Васильев, Г.И. Берестнев, И.Н. Пахомова, В.А. Суровцев, О.Г. Ревзина, В.И. Шаховский, З.З. Чанышева, и др.), отмечают прочную связь коннотации с когнитивной деятельностью человека.

Так, Г.И. Берестнев, в ходе сопоставления оценочных и когнитивных аспектов коннотации, приходит в следующем выводу: «коннотация – это, в первую очередь, явление когнитивного порядка, а оценка является лишь вспомогательным компонентом завершения когнитивного освоения мира» [Берестнев 2008: 53].

И.Н. Пахомова подчеркивает, что «коннотация, в рамках когнитивной лингвистики, оказывается одной из главных областей речемыслительной деятельности человека, которая отображает концептуализацию субъективной сферы действительности и выражающей ее с помощью разноуровневых языковых единиц, прежде всего синтаксических и лексических в структуре того или иного дискурса (текста)» [Пахомова 2009: 4]. В итоге исследователь справедливо заключает, что немаловажным моментом отражения коннотативной сферы деятельности человека является характеристика человеческого восприятия окружающей действительности не каким-либо коннотативным однородным компонентом, а совокупностью «разнообразных коннотативных значений, природа которых оказывается неразрывно

связанной с различными сторонами ментальной деятельности человека» [Пахомова 2009: 4].

В последнее время когнитивный подход к изучению эмоций в научных кругах получает еще большее распространение и поддержку, и, хотя он и сегодня не является общепринятым, мы полагаем, что неверно противопоставление коннотации центральному значению слова, в качестве синонима к которому в отдельных работах применяется понятие «когнитивное значение» [Никитин 2003: 78].

Когнитивный подход к изучению эмоций развивает, в частности Ф. Данеш, который, сопоставляя в своей работе эмоцию и когницию, справедливо утверждает, что «эмоции вызывает когниция, так как она эмоциогенна, эмоции же влияют на когницию, так как они входят во все уровни когнитивных процессов» [Daneš 1987: 45]. По мнению исследователя, эмоции не только испытываются участниками коммуникации, эмоции выражаются языком, и для этого они вербализируются, семантизируются и концептуализируются языком и в языке [Daneš 1987: 46].

Как убедительно доказывает Ж.А. Вардзелашвили, факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности отражается в эмоциональном компоненте коннотации слова [Вардзелашвили 2000: 20].

Исследуя совокупность отношений между концептом и значением, И.А. Стернин довольно точно выразил мнение большого количества исследователей, указав, что концепт и значение – явления когнитивной природы, представляющие собой результат познания и отражения действительности человеческим сознанием. Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, носят отражательный характер, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта [URL: http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a#a].

Но приняв точку зрения И.А. Стернина о семах, репрезентирующих когнитивные признаки, и, разделяя мнение ряда исследователей, считающих коннотацию частью значения, мы снова подходим к выводу о когнитивной природе коннотации. Хотя, как констатировал В.И. Шаховский, до конца XX в. не было определенного поля эмоций, их классификации, не было механизма их включения в речь [Шаховский 1990: 32], эмоции тесно взаимосвязаны друг с другом в структуре личности: когнитивные процессы сопровождаются эмоциями, эмоции осмысляются когнитивно [Daneš 1987: 48]. Но эмоции – основной компонент коннотации, отражающий факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности [Вардзелашвили 2000: 20], следовательно, когниция и коннотация взаимообусловлены и взаимосвязаны в сознании индивида. Данный тезис находит развитие в довольно многих работах отечественных исследователей.

Так, О.Г. Ревзина, рассуждая о функции коннотации в общественном сознании, дает определение сущности коннотации, подчеркивая, что коннотация является неотъемлемым устройством языковой системы и ее функционирование в социуме, то есть лингвистическую универсалию [Ревзина 2001: 441].

З.З. Чанышева и Р.К. Асабин рассматривают коннотацию как комплексную, познавательную, культурологическую и оценочную категорию, которая формируется в процессе освоения человеком окружающего мира [Чанышева, Асабин 2009: 1459], т. е. в процессе его когнитивной деятельности.

И.В. Крюкова, обосновывая взгляд на рекламные имена как семиотически сложные единицы с многоуровневой семантикой, делает вывод, что многоуровневая семантика рекламных имен включает в свою структуру коннотации всех языковых уровней, а также паралингвистические элементы [Крюкова 2004: 15].

О.Г. Ревзина, в ходе анализа понятия коннотации в интерпретации разных научных подходов, приходит к выводу, что разнообразные коннотации, которые проявляются на различных уровнях языка, дают основание говорить «об одном и том же мыслительно-языковом механизме» [Ревзина 2001: 441].

Переоценить в сознании индивида значение коннотации трудно, но и в дискурсе коннотация играет непреходящую роль. Во второй половине XX в. в связи с возникновением и развитием теории интертекстуальности коннотация стала исследоваться не только на уровне слова, но и на уровне дискурса. В дискурсивный анализ понятие коннотации было внесено Р. Бартом в рамках его концепции интертекстуального анализа, в соответствии с которой текстовая коннотация является неотъемлемой характеристикой текста, в первую очередь художественного, и представляет собой «связь, соотнесенность, анафору, метку, способность отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным – контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста» [Барт 1994: 17–18].

Принимая концепцию о текстовой коннотации Р. Барта, мы также разделяем мнение Ж. Женетта, утверждающего об отсутствии чисто денотативного функционирования дискурса [Женетт 1998: 87], т. е. дискурс всегда коннотативен.

Как отмечает ряд исследователей, коннотация в силу присущей ей повторяемости, коллективной осознаваемости, устойчивости, стереотипизации, соотнесенности с культурно-маркированными установками, эталонами, символами, мифологемами и другими культурными знаками «образует определенные глубинные культурные слои в интерпретируемых единицах и дискурсивных практиках» [Телия 2004: 76]. Умение коннотации образовывать глубинные культурные слои свидетельствует о том, что коннотация является интегральной характеристикой и общественного сознания этноса, и индивидуального сознания составляющих общество личностей.

Исходя из изложенного ранее, мы приходим к выводу, что коннотация – это когнитивный феномен, который проявляется на уровне слова, текста и дискурса, как его фиксированной репрезентации, и функционирующий в индивидуальном сознании и одновременно в общественном сознании. Таким образом, мы можем выделить несколько уровней функционирования коннотации:

-уровень слова в индивидуальном и общественном сознании;

-уровень дискурса в общественном и индивидуальном сознании участника коммуникации;

-уровень текста в индивидуальном и общественном сознании этноса.

Анализируя категорию отрицательной эмотивной оценки, которая стала традиционной в исследованиях коннотации, Т.Е. Глушакова констатирует, что данная категория представлена в когнитивных структурах разного уровня сложности [Глушакова 2003: 13]. При сопоставлении таких понятий, как денотация и коннотация, О.Г. Ревзина приходит к выводу, что «денотация и коннотация равноценны в способности к передаче и хранению информации» [Ревзина 2001: 442], но подчеркивает, что «коннотация имеет место тогда, когда объект или положение дел мыслятся неизолитированно, то есть совместно с неким другим объектом в самом широком смысле этого слова» [Ревзина 2001: 442]. Таким образом, **коннотация является смыслообразующим явлением.**

Каждый ученый, не ограничивающий себя изучением синтагматических отношений слов и выходящий за рамки системоцентрического подхода в лингвистике, неизбежно сталкивается с необходимостью исследования коннотации [см.: Глазунова 2000 – изучение метафор; Ходжаян 2004 – особенности цветообозначений; Черняк 2010 – синонимия и др.]. Исследование коннотации неразрывно связано и с изучением национального фразеологического фонда.

Так, Ш. Цолмон, анализируя культурно-национальные особенности фразеологизмов, справедливо указывает, что «образное основание служит

средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов, а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества» [Цолмон 2003: 13]. Исследователь подходит к следующему выводу: такого рода интерпретация является содержанием культурно-национальной коннотации. Таким образом, план выражения фразеологизмов, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, то есть источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы становятся экспонентами культурных знаков [Цолмон 2003: 13].

Т.Е. Глушакова рассматривает коннотацию как когнитивную и семантическую сущность одновременно [Глушакова 2003: 12]. По мнению исследователя, коннотация определяет не только место каждой конкретной единицы в языковой картине мира, но и «программирует» развертывание речевого акта вокруг фразеологизма [Глушакова 2003: 13].

О.И. Быкова, на наш взгляд, вполне правомерно предполагает, что формирование коннотации, как ментальной сущности особого порядка, происходит именно на стыке языковой картины мира и картины мира в языковом сознании говорящих [Быкова 2001: 59].

Наиболее продуктивным, на наш взгляд, помимо фразеологизмов, на стыке когнитивной и коннотативной парадигм стало изучение метафоры, основанное на постулате А. Ричардса о том, что «основой метафоры является заимствование и взаимодействие идей и смены контекста» [Ричардс 1990: 47].

Понимание метафоры как когнитивного процесса значительно обогатил М. Блэк теорией интеракции, в рамках которой исследователь выделил когнитивные метафоры, чьи функции отличаются от экспрессивных и декоративных. После выявления и исследования мыслительных процессов в основе формирования метафоры, М. Блэк делает вывод, что «механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система

«ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом...» [Блэк 1990: 167].

Принимая концепцию А. Ричардса о метафоричности самой мысли, развивающейся через сравнение, и о метафорах, возникающих в языке как следствие этого процесса [Ричардс 1990: 47], а также гипотезу М. Блэка о совокупности ассоциируемых импликаций, прилегающих к субъекту в процессе метафоризации, мы, таким образом, получаем возможность рассматривать когнитивность и коннотативность метафор как соположенные характеристики.

Мнения *о когнитивной природе коннотации* придерживается и С. Энг. Анализируя выражения согласия или несогласия в юридическом дискурсе, ученый приходит к заключению, что коннотация может быть определена как через «оценочные установки», так и через когнитивные критерии [Энг 2003].

З. Арци-Гончаровски, исследуя естественные реакции в рамках работы над искусственным разумом, выявил «чувственно-смысловые коннотации», обеспечивающие естественную связь между чувственными и рациональными аспектами интеллекта [Арци-Гончаровски 1998: 9].

Также, при анализе интеллектуальных реакций, З. Арци-Гончаровски были выделены коннотативные реакции, позиционируемые как независимые от других интеллектуальных, в том числе мыслительных процессов, которые могут быть стимулированы коннотациями, а могут быть вызваны мыслительными процессами более высокого уровня, следующими за комплексным логическим мышлением. Ученый приходит к выводу, что когнитивные процессы вместе с эмоциональными реакциями, вызванными коннотациями, тоже являются эмоциональными процессами. В состав комплексной коннотации в этом случае входит составная эмоциональная реакция. Согласно концепции З. Арци-Гончаровски, эмоциональной реакцией может считаться любая реакция, в том числе и просто признание возникшей коннотации. Другим примером типичной эмотивной реакции, по мнению ученого, может служить изменение фокуса внимания. Две

коннотации могут быть тесно связаны с разнообразными, возможно даже противоречивыми, эмоциональными реакциями. Процесс познания, таким образом, вызывает не только сложную эмоциональную реакцию, но также и когнитивную осведомленность о противоречивых эмоциях [Арци-Гончаровски 1998: 11].

Поскольку эмоции неразрывно связаны с коннотацией, а одна из функций эмоций – суггестивная, есть основания говорить о суггестивной (среди прочих) функции коннотации, также имеющей когнитивную природу.

В этом смысле нам близка идея Д.В. Анкина, что *коннотация определяется не столько предметом коммуникации, сколько воздействием на получателя сообщения* [Анкин 2004: 22].

Н.Д. Голев, исследуя суггестивное поле внутренней формы слова, выдвигает гипотезу, что в содержательном плане его можно представить, как структуру с противостоящими полюсами: концептуальным и коннотативным. Первый тип содержания в восприятии предстает как отражение (внутренняя форма слова здесь является носителем определенной информации об объекте), второй предполагает коннотативные реакции на внутреннюю форму слова (оценочные, экспрессивные, эмоциональные) [Голев 1998: 89]. Исследователь делает закономерный вывод, что, имея разную природу, данные типы содержания не взаимоисключают друг друга и могут быть смыслом одной внутренней формы [Голев 1998: 105].

Вплотную к коннотативно обусловленной теории номинации примыкает новая концепция возникновения неологизмов. Л.Ю. Касьянова выдвигает гипотезу, что появление неологизмов обусловлено необходимостью объективировать релевантные для определенного периода доречевые когнитивно-прагматические смыслы; такая необходимость приводит в действие механизм неологической номинации [URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/110/009.pdf>].

Как верно отмечает И.М. Миниярова, в процессе номинации интегрируются важнейшие функции языка – когнитивная, номинативная,

коммуникативная, интерпретирующая, коннотативная. Названные функции составляют «практическое проявление сущности языка» [Аврорин 1975: 34], обуславливают его целевое назначение во всех видах речевой деятельности и реализуются в инвентаре используемых языковых наименований [Миниярова 2009: 146].

Таким образом, на основе анализа современных концепций и результатов исследования коннотации в когнитивно-дискурсивной парадигме отечественными и зарубежными учеными мы можем сделать следующие выводы:

1) новая научная парадигма способствует пониманию того, что коннотация – многоуровневое и многослойное явление, и его комплексное изучение возможно лишь на стыке ряда научных дисциплин и подходов, в том числе лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, герменевтики, суггестивной лингвистики и, в конечном итоге, коннотативной лингвистики;

2) теоретически обоснована и экспериментально подтверждена связь эмоции и когниции, а значит когниции и коннотации, что позволяет утверждать, что коннотация имеет когнитивную природу и является интегральной частью процесса познания мира индивидом;

3) в когнитивном аспекте коннотация проявляет себя на уровнях слова, текста и дискурса как в индивидуальном сознании, так и в общественном сознании этноса, и именно когнитивная лингвистика позволяет изучать коннотацию на всех этих уровнях на основе комплексного подхода, поскольку означенные уровни неразрывно связаны между собой;

4) в сознании индивида коннотация проявляет себя как когнитивный механизм и одновременно психолингвистический феномен, лежащий в основе процессов ассоциирования и концептуализации;

5) в дискурсе коннотация функционирует как психолингвистический феномен, лежащий в основе смыслообразующих процессов, проявляющихся

как в индивидуальном сознании языковой личности, так и в общественном сознании этноса;

6) в общественном сознании этноса коннотация проявляет себя как гносеологическая и как лингвистическая универсалия, лежащая в основе явлений полисемии, синонимии, антонимии и др.;

7) коннотация непосредственно связана с суггестивной функцией слова и текста и в процессе коммуникации реализует, наряду с другими, суггестивную функцию;

8) возникновение новых значений слов, а также неологизмов является результатом работы коннотативно обусловленного механизма неологической номинации, действующего как в индивидуальном сознании языковой личности, так и в общественном сознании этноса.

1.2 Взаимодействие смыслового развертывания и коннотации

Сущность коннотации как сложного, многогранного и многофункционального лингво-психологического феномена, которому принадлежит в определенной степени решающая роль в процессе межличностной коммуникации, так как она в состоянии управлять коммуникацией, нарушать ее или способствовать ей, до сих пор остается во многих отношениях открытым вопросом современной лингвистики, как и вопрос о взаимодействии смыслового развертывания и коннотации.

Смыслообразование как глобальная проблема современности рассматривается в ракурсе взаимодействия дисциплин в работе А.П. Назаретяна [Назаретян 2009: 3-9].

В связи с таким аспектом рассмотрения смысла, как коннотация наше внимание привлекли работы А.С. Кравца, в первую очередь вышедшая в 2003 г. статья «Деятельностная парадигма смысла».

Анализируя недостатки изучения смысла разными учеными в разные времена, он пишет: «Лингвисты, имея дело с живым языком, обращали внимание на лексические формы выражения смысла, на обилие коннотаций смысла слова в речи, риторические и стилистические особенности языка».

Особо отметим «предметную доминанту», предложенную им, – «деятельностную парадигму смысла», которая «явно вводит новую (S-S) модель речевого акта». И далее: «Если прежние парадигмы интересовались прежде всего семантикой смысловых выражений и поэтому нацеливали исследователей на поиск смысла, выражаемого отношением знак-объект (Z-O), то новая парадигма погружала смысл в субъект-субъектные (S-S) отношения, которые более адекватно характеризуют суть человеческой коммуникации. С этих позиций коммуникация предстает как осмысленная деятельность в человеческом (субъект - субъектном) мире» [Кравец 2003: 183, 164-165].

Заметим, что наиболее полно концепция автора отражена в его монографии «Понимание смысла социальной деятельности...» [Кравец 2008: 179].

Понять механизмы смыслообразования посредством актуализованных структурных единиц языка позволили «полулингвистические, полуфилософские» статьи С.Н. Зенкина, в частности «Культурология префиксов» [Зенкин 2005: 234], содержание которой говорит и об идеологическом компоненте смыслов.

Наиболее полное представление о взаимодействии философов и лингвистов при рассмотрении смысла как коннотации дает нам монографическое исследование «Диспозиция «свой-чужой» в культуре» [Кравец 2007: 253], эксплицирующее многомерные коннотативные характеристики как смыслы на материале двух концептов.

Обращая внимание на механизмы вербализации, специализирующиеся «на номинативных стратегиях при обозначении «своего» и «чужого», авторы тонко и убедительно дифференцируют прямые денотативные значения и стратегии прямого атрибутивного характера по признаку отсутствия или наличия оценочных сем и во многом зависимых от оценочности других микрокомпонентов коннотации, проявляющихся в разных ярусах языка.

Завершая философский, лингвофилософский аспект исследования, отметим появление все новых и новых работ философского плана, позволяющих увидеть возможности еще более многомерного взгляда на решаемую в нашей статье проблему. Наиболее убедительной в этом отношении является статья А.Ю. Большаковой «Архетип – концепт – культура». Перечисленные в ней ключевые слова в значительной их части непосредственно обращены к коннотации, смыслопорождению и его структурированию при помощи языка – системы и деятельности. Сравним архетип, концепт, константа, инвариантность, вариантность, структура, актуальный/пассивный слой, миф, внутренняя форма, символ [Большакова 2010: 47-57].

Основательные, фундаментальные труды Г.П. Мельникова, М.А. Кронгауза, А.А. Кретьева и др. ученых позволили увидеть неограниченные возможности смыслообразования посредством разноуровневых единиц языка при их взаимодействии, более корректно ориентироваться «в поисках смыслового каркаса языка» [Воротников 2007: 37].

О широком диапазоне рассмотрения актуализации – важнейшего продуцента коннотации как смысла – свидетельствуют новейшие исследования контрастивного плана, не имеющие, казалось бы, отношения к предмету нашего исследования и соприкасающиеся с ним лишь упоминанием соотношения грамматической категории «актуальность – узуальность».

Так, исследуя роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков, В.Т. Титов и А.А. Кретьев, не выходя непосредственно на коннотацию, приводят, по сути, примеры, иллюстрирующие коннотируемые под влиянием актуализации языковые единицы: «... Между тем взгляд А.Е. Кибрика на русскую грамматику сквозь «кавказские очки» позволил ему обнаружить в ней немало интересного, ускользавшего от ограниченного традицией взгляда русистов...

Например, Т.В. Булыгина и С.А. Крылов мотивируют выделение в русском языке скрытой грамматической категории «актуальность – узуальность» наличием пар *водится* (узуальность) – *находится* (актуальность), *питается* (узуальность) – *уплетает* (актуальность), *пьяница* (узуальность) – *пьян* (актуальность), *белый* (узуальность) – *белеет* (актуальность)...» [Титов 2010: 7].

Анализируя приведенные скрытые категории в ракурсе эксплицирования заложенных в них коннотаций, обратим внимание на сложность выводимости актуализованных смыслов во всех этих примерах, за исключением разве только пары *питается – уплетает* с очевидной их

стилистической маркированностью, легко определяемой даже в узуальном употреблении.

Рассматривая в целом и лексическую, и грамматическую стороны взятого для нашего исследования приведенного ранее материала с выходом на коннотацию с ее микрокомпонентами, актуализуемыми в соответствии с прагматическими факторами, сошлемся на Ю.С. Степанова, коснувшегося в одной из последних его работ основных законов семиотики, в частности области синтактики с ориентацией на коннотации: «Итак, язык в целом, со всей его лексикой (но без развитой системы синонимов) и грамматикой служит одним планом, а именно – планом выражения для стилистики. Планом содержания стилистики являются все те «оттенки» значений, которые, мы видели, при этом выражаются, например: «грубость говорящего», «некультурность говорящего», или, напротив, «деликатность говорящего», «его высокая образованность» и т.д. Все эти оттенки называются в семиотике «коннотаты», от этого термина и весь неявный уровень употребления языка называется иногда «коннотативным»...» [Титов 2010: 55].

Ранее мы говорили об актуализации как условии смыслопорождения, актуализации, включающей разные ярусы языка начиная с фонетического и кончая предложениями самых сложных структур. Подобный подход находим у А.В. Зеленщикова: «Основной темой второй части монографии является понятие «смысл», которое рассматривается в работе как исходное индивидуальное ментальное образование, подлежащее «актуализации» в высказывании и интерпретации в процессе речевой коммуникации. Смысл как интерпретируемое и одновременно интерпретирующее является способом и целью человеческого общения, динамической, диалектической сущностью, обуславливающей само существование и функционирование языковой системы» [Зеленщиков 1997: 6].

При рассмотрении соотношения *значение – смысл* и выявлении на этой оси коннотации ученые дают разные ответы. В частности, В.В. Богданов,

характеризуя «семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века», пишет: «Когнитивисты считают, что значение присуще как лексическим, так и грамматическим средствам, что те и другие значения в равной мере изобразительны. Данная грамматика определяется ее создателями как грамматика с узусной базой. Это означает, что основанием для интерпретации значения, заложенного в тех или иных языковых структурах, является узус, т.е. уровень конкретного использования языка говорящим и его собственного понимания языковых структур» [Богданов 1998: 6].

Сравним в связи с этим соотношение актуальности – узуальности в плане смыслопорождения у Т.В. Булыгиной и С.А. Крылова, выделивших в русском языке скрытую грамматическую категорию «актуальность – узуальность» (см. [Кретов 2010: 7-8] и наши рассуждения по поводу приведенных в статье примеров с их коннотативными маркерами).

Полагаем, что и категория значения, и категория смысла обладают потенциальными возможностями смыслопорождения в понимании смысла как коннотации. Однако эти потенции различны. Обратившись к рассуждениям видного представителя структурализма – французского филолога А. Греймаса, – определим условия реализации коннотативных возможностей изменения, в сторону усиления смысловых эффектов, обусловленных определенными причинами: «Учитывая актуальное состояние наших знаний, мы будем рассматривать это позитивное содержание как ядро и обозначим его N_s , предположив, что оно представляет собой постоянный семный минимум, некий инвариант.

Но если N_s является инвариантом, то варианты «смысла», которые мы уже рассмотрели, могут проистекать только из контекста; иначе говоря, контекст должен содержать некие семные переменные, которые только и способны описать поддающиеся констатации изменения смысловых эффектов. Временно будем рассматривать эти семные переменные как контекстуальные семы и обозначим их C_s ...».

И далее вывод, который выводит нас на понимание разницы в коннотативных (смысловых) возможностях значения, с одной стороны, и значимости, смысла – с другой: «Действительно, определения, которые мы дали семному ядру Ns и контекстуальной семе Cs, позволяют нам теперь рассматривать смысловой эффект в качестве семемы и определять его как сочетание Ns и Cs: семема $S_m = N_s + C_s$ [Греймас 2004: 63-65].

Следует заметить, что приведенные ранее суждения А.-Ж. Греймаса наиболее развернуто и убедительно представлены в трудах выдающегося русского ученого А.В. Бондарко, например, в работе «К интерпретации понятия «смысл»» [Бондарко 1996: 316-321].

«Проблема стратификации семантики, отмечает ученый, включает постановку вопроса о языковых значениях в их отношении к смыслу, о специфике языкового представления смыслового содержания, о соотношении универсальных мыслительных оснований языковых значений и идиоэтнических содержательных элементов в каждом языке». Смысл истолковывается им не только в рамках лингвистического анализа, но и сопровождается, дополняется двумя важными аспектами: «Таким образом, в рамках лингвистического анализа смысл может быть истолкован как когнитивная основа лексических и грамматических значений языковых единиц и их реализаций в составе семантических комплексов, выступающих в высказывании; смысловая основа языковых значений выявляется как инвариант внутриязыковых синонимических преобразований и межъязыковых соответствий».

Эти положения углубляются А.В. Бондарко двумя аспектами:

- 1) *системно-категориальным*;
- 2) *речевым*, актуальным, которые, по А.В. Бондарко, предполагают «необходимость анализа их взаимосвязей», что нашло отражение в разработанной и представленной в других трудах ученого модели функциональной грамматики (см. подробнее об этом [Бондарко 1996: 319-324]).

Позже, в 2000 году, к проблеме смысла обратилась И.М. Кобозева, по-своему интерпретируя «две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл*». Несмотря на ограничение исследования сферой речи, здесь, безусловно, анализируется и языковая составляющая, на которую мы смотрим под другим углом зрения. И.М. Кобозева выделяет «по меньшей мере четыре возможных понимания *смысла слова*. Из них мы остановим наше внимание на тех сторонах изучаемого явления, которые связаны с коннотацией. При этом эта связь у автора анализируемой фундаментальной работы и у нас видится в разной степени близости.

В частности, оговорки и более глубокого анализа требуют выделенные И.М. Кобозевой два параметра: 3.2.1.4. *Смысл* слова как его интерпретация, основанная на внутренней форме; 3.2.1.5. *Смысл* слова как его коннотации. Приведем более подробно доводы автора и наши суждения.

Как нам представляется, оба выделенных И.М. Кобозевой параметра рассмотрения смысла находятся в теснейшей связи: внутренняя форма слова связана с коннотацией, несет ее на разных ступенях неосознанности/осознанности носителями языка. А обращение к исходной форме, значению, смыслу обычно сопровождается эмоциональной оценочностью, экспрессивностью.

Более того, исходя из понимания внутренней формы слова, предложенного Анной А. Зализняк, мы находим материал, подтверждающий нашу версию: «Внутренняя форма слова – это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, то есть образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта; приблизительно в том же значении иногда используется термин мотивировка... а также мотивация [Зализняк 2005: 87]».

Уже сам выход на концепт при анализе внутренней формы слова свидетельствует о наличии элементов коннотации в ней.

Что же касается «смысла слова как его коннотации», то в понимании И.М. Кобозевой это представлено следующим образом: «В-третьих, под смыслом слова могут подразумеваться коннотации, то есть связанные с ним в сознании говорящих представления как фактического, так и оценочного характера... Понимаемый таким образом смысл можно, пользуясь метафорой писателя Д. Данина, сравнить с эхом, которое раскатывается от слова и качество которого зависит от социального рельефа жизни вокруг. Ясно, что такого рода смысл наиболее интересен у так называемых «идеологических» и «культурных « слов...» [Кобозева 2000: 318].

Для выявления микрокомпонентов коннотации, помимо оценочного, а также «прикрепленности» коннотаций к «идеологическим» и «культурным» словам, укажем на следующее: в работе «Оценка как объект грамматики» В.В. Лопатин дает многовекторную характеристику оценке, оценочности, естественно и неразрывно связанной с другими микрокомпонентами коннотации.

«Каждый из названных оценочных комплексов представляет собой подвижную, градуальную систему значений – от самого полного проявления какого-нибудь оценочного признака до его полного отсутствия. Значения эти имеют как рациональную (интеллектуальную, логическую), так и эмоциональную основу, часто в сочетании с экспрессивно-эмфатическим компонентом, причем степень представленности рационального и эмоционального начал в разных случаях, естественно, различна...» [Лопатин 2007: 537].

Подводя некоторые итоги рассмотрения соотношения понятий значение и смысл в двух основополагающих трудах – А.В. Бондарко и И.М. Кобозевой, а также в работах других исследователей, можно сделать следующие выводы:

1) они дополняют друг друга, позволяют уточнить позиции для дальнейшего разрешения проблемы смысла как коннотации, обращаясь и к системе языка, где заложены потенциальные возможности коннотаций, и,

особенно, к его функционированию с акцентом на актуализацию тех или иных единиц языка;

2) работы таких известных ученых, как Г.П. Мельников, М.А. Кронгауз, А.А. Кретов подтверждают наличие в языковой системе больших ресурсов для создания коннотаций, их экспликации при помощи новых методик и методологии исследования;

3) проблема смысла как коннотации оказалась в поле зрения философов, что говорит о подходе к ней с позиций синергетики.

1.3. Коннотативные доминанты текстов сказок А.С. Пушкина

Определение стилистической коннотации чаще всего трактуется как добавочное экспрессивно-эмоционально-оценочное и функциональное свойство предметно-логического и грамматического значения единицы языка.

В более развернутом смысле – это любая, выражающая человеческий фактор, языковая окраска, в том числе морально-этическая, этнографическая, социально-политическая, и др. [Голуб 2004: 57].

В настоящее время лингвисты и литературоведы уделяют большое внимание роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного произведения. Художественный текст полифункционален. В нем эстетическая функция наслаивается на целый ряд других – коммуникативную, экспрессивную, прагматическую, эмотивную, но не заменяет их, а напротив, усиливает.

Язык художественного текста живет по своим собственным законам, которые отличаются от жизни естественного языка, «он имеет особые механизмы порождения художественных смыслов». О специфике слова в художественном тексте писали А.М. Пешковский, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Д.Н. Шмелев и другие исследователи. Они подчеркивали, что слово в художественном тексте, благодаря особым условиям функционирования, семантически преобразуется, включает в себя дополнительный смысл.

Игра прямого и переносного значения порождает и эстетический, и экспрессивный эффекты художественного текста, делает этот текст образным и выразительным. Многими учеными (Н.А. Лукьяновой, В.А. Масловой, В.Н. Телией, В.И. Шаховским и др.) признается, что неэкспрессивных текстов не существует, ибо любой текст потенциально способен оказывать определенное воздействие на сознание и поведение читателя, так как именно экспрессивность содействует цели речевого сообщения, обеспечивая

воздействие текста на реципиента. Количеств же экспрессивных языковых средств в тексте еще не определяет экспрессивный эффект восприятия текста, а лишь повышает вероятность его возникновения. Более того, помимо специальных языковых средств, а именно эмотивных, образных, стилистически маркированных, экспрессивной может оказаться любая нейтральная единица языка в зависимости от целей автора, от контекстуальной ситуации. Эмотивный текст, благодаря особенностям своей семантики, способен полностью редуцировать логико-предметное значение слова, нейтрального в эмоциональном плане, и осознать его как контекстуальный эмотив или даже аффектив.

Источники порождения эмотивности текста разнообразны и не всеми исследователями понимаются одинаково. С одной стороны, основным источником эмотивности текста являются собственно эмотивные языковые средства. Способы манифестации эмотивных ситуаций в художественном тексте разнообразны: «от свернутых (семный конкретизатор, слово) и минимально развернутых (словосочетание, предложение) до максимально развернутых (фрагмент текста, текст)» [Бабенко 2000: 169-194].

Основываясь на коммуникативном подходе, В.А. Маслова считает, что важнейшим источником эмотивности текста является его содержание. По мнению исследователя, «содержание текста является потенциально эмоциогенным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется лично значимым. Эмоциогенность содержания текста – это, в конечном счете, эмоциогенность фрагментов мира, отраженных в тексте».

Однако изначально эмотивность есть лингвистическая категория, которая актуализируется посредством художественного слова в любом отрезке текста.

Традиционно сформировавшееся представление о «созначении», «обертоне», «наслоении», второстепенности компонента языковой единицы, в последнее время подвергается сомнению [Кожина 2003: 297]. Элементы, связанные с логикой и эмоциями, могут соединяться в единицах языка в

разных соотношениях. У большого количества слов эмоционально-оценочная информация является стержневой: *канючить, гуляка, дребедень*, а у выражающих чувства междометий – единственной: *тьфу, ай-ай-ай, вот тебе раз*. Между видами стилистической коннотации прослеживается тесная взаимосвязь. Если опираться на общепринятую точку зрения, то проявление экспрессивной окраски выражается в отклонении от общего стандарта, эмоциональной – в чувствах, эмоциях, оценочной – в положительной или отрицательной квалификации предмета, по отношению к социальной норме, образной – в эффекте невидимой имманентной формы слова, функционально-стилистической – в определении языковой единицы к привычной для ее употребления сфере.

Нередко наблюдается лишь аналитическое взаимодействие и выделение эмоциональности, экспрессивности и оценочности. Для экспрессивно окрашенной единицы возможна и конкретная функциональная окраска.

Смысловое наполнение слова содержит в себе элемент оценки, в результате чего у него появляется экспрессивно-эмоциональная окраска, происходит осложнение номинативной функции оценочностью, отношением говорящего к происходящему и, следовательно, экспрессивностью. Обычно слова этой группы имеют одно значение. Скрытая в их значении оценка так четко выражена, что в других значениях слово употребить нельзя. Эта лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи: *дурачина, простофиля, проклятая (бабака)* («Сказка о рыбаке и рыбке»); *брюхатая (мать), башка (с широких плеч), черница (старуха)* («Сказки о мертвой царевне...»).

Ко второй группе относятся слова со множеством значений, которые в прямом значении являются стилистически нейтральными, а в переносном – наделенными яркой оценочностью и экспрессивной стилистической окраской. Эти слова можно условно назвать ситуативно и стилистически окрашенными: *валить* («народ валит»), *окриветь* («повариха окривела»),

кривая (повариха) («Сказка о царе Салтане...»); *лезть* («лезет рать»), *рехнуться* («Или ты с ума рехнулся?») («Сказка о золотом петушке»).

В третью группу входят слова, в которых аффиксация (большой частью суффиксами) помогает в достижении стилистической окрашенности слов. Однако это явление является словообразовательным. Следует отметить наличие весьма значительного количества имен существительных, прилагательных и наречий с ласкательно-уменьшительными суффиксами:

Вы ж, *голубушки-сестрицы*,

Выбирайтесь из светлицы...

И послушалась волна:

Тут же на берег она

Бочку вынесла *тихонько*,

И отхлынула *легонько*...

А как речь-то говорит,

Словно *реченька* журчит.

(«Сказка о царе Салтане»).

Ты, бесенок, еще *молоденек*,

Со мной тягаться *слабенек*

(«Сказка о попе и работнике его Балде» [Пушкин 1995: 12-50]).

Наряду с ласкательно-уменьшительными словами, в языке сказок нами зафиксированы фамильярно-пренебрежительные лексемы:

Дурачина ты, простофиля!

Выпросил, *дурачина*, корыто!

(«Сказка о рыбаке и рыбке»).

Попенок зовет его тятей.

(«Сказка о попе и работнике его Балде»).

Старушонка хлеб поймала.

(Сказка «О мертвой царевне»).

В текстах сказок А.С. Пушкина широко представлены следующие суффиксы имен существительных со значением субъективной оценки (уменьшительно-ласкательные, фамильярно-пренебрежительные):

- иц: сестрица;
- ушк: голубушка, сударушка, старушка, бабушка, муравушка;
- енька: душенька, реченька;
- юшка; хозяйушка, горностаюшка, зорюшка;
- ышко: солнышко;
- ик: кораблик, хвостик;
- ец: братец, изумрудец;
- ок: дружок, рожок, мужичок, петушок, лесок;
- очек: кусочек, подарочек, мешочек;
- очк: яблочко, белочка, дворяночка;
- к: свечка, ручка, зайка, мордка, губка, лапка;
- ц: зеркальце;
- онок: вражонок;
- онка: старушонка;
- енок: попенок;
- ишк: зверишка.

Следует отметить, что суффикс *-иха* в диалектном слове «медведиха» и в имени собственном «Бабариха» придает отрицательную окраску словам.

Имена прилагательные и качественные наречия со значением субъективной оценки в языке пушкинских сказок имеют следующие суффиксы:

- еньк: бедненький, серенький;
- ешеньк: белешенька, тяжелешенько;
- к: немножко;
- оньк: легонько, тихонько.

Выделяются также такие лексические единицы, в которых оценочность и экспрессия связаны с традицией употребления и сопутствуют ей: *мур*,

полотно, молвить, богатырь, зыбь, избавитель, очи, грезы, град («Мать и сын идут ко граду»), величать, нарекаться («В тот же день стал княжить он// И нарекся: князь Гвидон»), диво, громогласно (возопил) («Сказка о царе Салтане...»); царедворец, государыня рыбка («Сказка о рыбаке и рыбке»); рыдать («Королевич зарыдал»), учинить свадьбу («Сказка о мертвой царевне...»); безмолвие, взвиться, пасть (пал Дадон), колесница («Сказка о золотом петушке»). Изменение в семантике слов по сравнению с нейтральным синонимом незначительно. Стилистическая торжественность, риторичность подобных слов исходит из сложившейся традиции их употребления в письменной речи. Исходя из этого, словам присуща и некоторая оценочность: обычно значение интенсивности положительного качества [Кожина 1993: 119-120].

При помощи суффиксов в текстах сказок А.С. Пушкина достигается эмоциональность и экспрессивность, а стилистически маркированная лексика со значением положительной и отрицательной коннотации способствует эмотивному восприятию текста.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОННОТАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ А.С. ПУШКИНА

2.1. Лексико-семантические особенности старославянизмов в текстах сказок А.С. Пушкина

Старославянский язык внес большой вклад в развитие русского литературного языка. После того, как Киевская Русь официально приняла христианство в 988 году, кирилловский алфавит был признан единственным, одобренным светской и церковной властью. Поэтому русские люди учились писать по книгам, написанным на старославянском языке, на этом же языке они создавали церковно-литературные произведения. Старославянские элементы проникли в художественную литературу, публицистику и даже государственные акты.

Объектом исследования нашей работы являются старославянизмы, используемые А.С. Пушкиным в текстах сказок: «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», «Жених».

Влияние старославянского языка на русский литературный язык заметно не только в наших древних памятниках письменности. Оно отражается и в современном русском литературном языке, который содержит в себе значительное количество различных элементов старославянского языка, подвергшихся изменениям в процессе развития русского языка.

Более совершенные образцы литературного языка первой половины XIX века в своих произведениях показал А.С. Пушкин. Поэт достаточно полно отразил нормы русского языка (в разговорном и книжном стиле), которые характерны для пушкинского времени и остаются живыми, актуальными для нашего времени. В разные годы творческой деятельности русского писателя в его произведениях замечено широкое употребление

книжных языковых средств, в частности старославянизмов. Многие из них являются составной частью поэтического словаря русской классической литературы.

Старославянский заметно повлиял на русский язык на начальных стадиях формирования, главным образом в сфере отвлеченной лексики [Пономарев 1993: 93]. Переплетение судеб старославянского и русского языков, их взаимодействие было настолько сильным, что его можно обнаружить и в образной системе русского литературного языка, и в грамматической структуре, и в его лексическом составе, и в фонетическом облике слов. «Старославянизмы, – отмечает Д.Н. Шмелев, – это наиболее важный пласт лексических элементов, вошедших в русский национальный язык извне» [Шмелев 1977: 253].

Все слова в русском языке мы можем разделить на две группы в зависимости от их происхождения: исконные – с самого начала присущие русскому языку, и иноязычные – заимствованные из других языков русским языком. Точно разграничить эти две группы слов сложно: некоторые слова появились в русском языке много веков назад и в настоящее время их достаточно трудно отличить от исконно русских. Старославянская лексика, как известно, относится к славянским заимствованиям [Шмелев 1977: 54]. Попадая в русский язык, старославянизмы, как и какие-либо другие заимствованные лексические единицы, преобразовались согласно внутриязыковым законам его развития: изменялось звучание, у слов появлялись новые значения и стилистические оттенки.

При определении происхождения тех или иных лексем мы опирались на этимологические словари и учитывали существующие в лингвистике фонетические и словообразовательные признаки старославянского языка. Итак, старославянская лексика, согласно этимологическим словарям, по-разному появлялась в языковой системе русского языка: 1) непосредственно из старославянского языка или через посредничество древнерусского языка; 2) из других языков через посредничество из греческого, тюркского,

латинского, древнееврейского. Также в работе мы рассматриваем производные слова от старославянизмов, попавшие в литературный язык А.С. Пушкина.

Как известно, по-разному сложилась судьба старославянизмов, заимствованных восточнославянскими языками. По наблюдениям В. Русановского и В. Нимчука, функционально-семантический анализ старославянизмов в русском, украинском и белорусском языках на современном этапе их развития показывает, что они имеют разное количество лексических единиц древнеболгарского происхождения [Русановский 1993: 185-210]. Н.Ф. Алефиренко приводит такие данные: в русском языке – 2,7%, в украинском – 0,3%, в белорусском – 0,15%. Однако, как отмечает ученый, количество старославянизмов не является абсолютной величиной, поскольку благоприятные культурно-исторические условия развития общества способны стимулировать функциональный вес старославянизмов [Алефиренко 1999: 62-68].

Также известно, что к середине XIX в. русский литературный язык уже был сформирован и обслуживал все уровни жизни русского народа и Российского государства, а старославянизмы являлись неотъемлемой частью русского литературного языка. Поэтому количество старославянизмов в русском литературном языке намного выше, нежели в других восточнославянских языках.

Старославянизмы – это общее наследие всех славянских народов. И нет никакого сомнения, что старославянизмы являются постоянным источником обогащения русского языка, поскольку использование старославянизмов зависит в первую очередь от контекста и замысла автора.

В сказках А.С. Пушкина представлена разнообразная лексика, в частности архаическая, к которой и относятся исследованные нами старославянизмы: *Отец ей: «Милая моя, / Откройся **предо** мною. / Обидел кто тебя скажи»; Отец ей: «Что ж твой сон **гласит**? / Скажи нам, что такое, / Дитя мое родное?»; За морем житье не **худо**; / В свете ж вот*

*какое чудо: / Остров на море лежит, / Град на острове стоит / С
златоглавыми церквами [...]; И той стражи нет надежней, / Ни храбрее,
ни прилежней. / А у князя женка есть, / Что не можно глаз отвесть [...];
«[...] Но лишь чуть со стороны / Ожидать тебе войны, / Иль набега силы
бранной, / Иль другой беды незваной [...]; Петушок кричит опять; /
Кличет царь другую рать» [Пушкин 1987: 125-180].*

Анализируя тексты сказок А.С. Пушкина, следует отметить, что персонажи – это глубоко верующие люди, а именно христиане, поэтому в его произведениях часто встречается религиозная лексика. Так, в произведении «Жених» читаем: *«Катаясь, видел он вчера / Её за воротами; / Не по рукам
ли, да с двора, / Да в церковь с образами; Взошли толпой, не поклонились, /
Икон не замечая; / За стол садятся, не молясь/ И шапок не снимая»* [Пушкин 1987: 125-180]. (106 единиц). Проведённый анализ демонстрирует, что через речь героев репрезентируется внутренний мир великого русского писателя, подчёркивается тесная связь с духовным миром, поскольку лексика А.С. Пушкина является признаком зрелого христианского мировоззрения.

В языкознании разработана теория трех типов лексических значений: прямое номинативное, номинативно-производное и эмоционально-экспрессивное. Учитывая особенности функционирования в речи, В. Виноградов указывает, что лексические значения бывают свободные, фразеологически связанные, функционально и синтаксически ограниченные, и конструктивно организованные [Виноградов 1999: 12-29]. Опираясь на лексическое значение старославянизмов, мы используем классификации, существующие в современном языковедении. Исследователи отмечают, что стилистически маркированными чаще всего являются существительные, которые образуют в языке лексико-семантические группы с обозначением различных понятий. Это объясняется тем, что именно имена существительные точнее передают языковой колорит эпохи, с их помощью достигается правдивость описания; среди них встречаются старославянизмы-

абстракты, старославянизмы-номены, обозначающие религиозные понятия, традиции и др.

Наш материал позволил выделить 14 лексико-семантических групп старославянизмов-существительных:

1) названия вземных высших сил – *Бог, ангел, святые, черт, бес, бесенок, супостат, вражонок* (8);

2) названия церковных и других сооружений – *церковь, монастырь, ограда, престол, воротá (старославянское ударение)* (5);

3) названия предметов церковного употребления – *образ, икона, свеча, свечка, крест* (5);

4) названия религиозных действий, таинств – *мольба, благословенье, молитва, обряд (церковный)* (4);

5) названия абстрактных понятий и состояний – *душа, душенька, дух, грех, свет (Божий), исход, сраженье, возвращенье, разрешение (и разрешенье), время, житье, воздух, нрав, бедство, разбой, служба (церковная), вред, ложь, брань и др.* (25);

6) названия психических состояний – *унылость, немилость, восхищенье, злость* (4);

7) названия речевых действий – *разговор, речь, совет, вопрос* (4);

8) названия лиц по виду деятельности – *чародей, спаситель, служитель* (3);

9) названия лиц по должности или социальному состоянию – *крестьянка, сосед, грешник, черница, поп, владычица (морская), попадьа, поповна, попенок, работник, воевода, младенец* (12);

10) названия собирательных существительных, обозначающие лиц по сфере деятельности – *хор (церковный), войско, рать, стража* (4);

11) названия различных местностей – *град, восток, царство, страна, небеса, брег, бездна (вод), государство, владения, полцарства* (10);

12) названия одеяний – *перстень, злато (как одежда), венец* (3);

13) названия различных предметов – *колесница, жезл, серебро* (в значении «бытовой инвентарь»), *злато* (в значении «бытовой инвентарь») (4);

14) названия частей тела – *очи, глава, перст* (3).

Итак, лексико-семантические группы старославянизмов в текстах сказок А.С. Пушкина разнообразны. Самой большой является группа, обозначающая наименования абстрактных понятий и состояний (25). Меньшими в количественном отношении являются группы, обозначающие названия лиц по должности или социальному состоянию (13), названия различных местностей (10), названия вездомных высших сил (8). Менее частотно представлены группы старославянских лексем: названия церковных и других сооружений (5), названия предметов церковного употребления (5), названия религиозных действий, таинств (4), названия одеяний (4) и др.

Помимо имен существительных в текстах сказок А.С. Пушкина довольно широко представлены и другие части речи. Глаголы в контекстном окружении могут обозначать: **действия, относящиеся к речи:** *гласить, молиться, умолять, вещать, благословить, вопить, возглашать, вопрошать, молить, взмолиться, лгать, божиться, возопить, извиниться, отрекаться, прекословить, благодарствовать, произнести, благодарить, возглашать, разглашать, приветствовать* (22 единицы); **действия, относящиеся к психическому состоянию:** *здоровствовать, чувствовать, вздохнуть, вздуриться, вздорить, раскаяться, разрыдаться, испугаться, забранить, разбранить, браниться, дерзать, присмиреть, издохнуть, вспоминать, пораздумать, взыграть* (о эмоциональном состоянии) (17 единиц); **действия, относящиеся к социальному состоянию:** *царствовать, воевать, венчать, обвенчаться, сослужить, работать, охранять* (7 единиц); **действия, описывающие состояние моря:** *разлиться, расплеснуться, плеснуть, всколыхнуться, вздуться* (5 единиц); **действия движения:** *разбежаться, войти, всходить, сойти, возвращаться, крушиться* (семья), *собираться* (7 единиц); **физические или физиологические действия**

существ: *взмахнуть, встрепенуться, взвиться, содрогнуться, взглянуть, вскакивать, взобратся, встать, восстать* (8 единиц); **действия, относящиеся к разрушению:** *изрубить, разбить, разбиться, разломить, извести, избавить* (6 единиц).

Некоторые глаголы образуют антонимические пары: *требовать – исполнить, взвалить – наградить, сотворить – похоронить, оградить – распахнуть* (4 пары).

Менее частотно представлена группа прилагательных старославянского происхождения: *вздорный, святой, задравный, дремучий, церковный, златоглавый, крепкий, прекрасный, иной, храбрый, сладка, страстный, прежний, проклятый, попов, общий, грешен, своенравный, добродушный, кроткий, изразцовый, нищий, душевный, святой, ратный, надгробный, чудесный, крещеный, чудотворный, храним, обратный* (31 единица).

Наблюдаются и наречия, имеющие в своей основе старославянские признаки – *стремглав, благополучно, натоцак, издали, лукаво, исподтиха, вокруг, восвояси, громогласно, совсем, непременно, понапрасну, пуще, впредь, исправно, лукаво, сперва, издавеча, согласно, вовсе* (21 единица).

Еще реже в сказках А.С. Пушкина встречаются причастия (*согласен, обличен, ободренный, отходящий, изумленный, изумлен, восхищен, встревожен, разбитый* – 9 единиц) и деепричастия (*собираясь, помолясь, блуждая, привздохнув, вскочив, разбив, пробужден, обратившись, вонзивши* – 9 единиц). Числительные представлены весьма незначительно: *чета, осьмой* (2 единицы).

Писатель широко использует старославянские служебные части речи, а именно предлоги: *пред, предо, средь, среди, между, во, ко, со, из* (9 единиц).

Таким образом, старославянская лексика в проанализированных текстах сказок довольно широко использована великим русским писателем А.С. Пушкиным. Лексико-семантическая классификация имен существительных представлена 14 группами, среди которых самой многочисленной является группа, обозначающая названия абстрактных

понятий и состояний. Помимо имен существительных в сказках А.С. Пушкина довольно широко представлены и другие части речи, а именно – группа глаголов речемыслительной деятельности.

2.2. Народность пушкинских сказок

Народность пушкинского языка имела глубокие корни. Она была основана на большой любви к своему народу, на вере в его духовные силы, на понимании огромной идеологической и эстетической ценности его словесно-художественного творчества, на умении видеть мир глазами своего народа.

Лексический материал из бытового разговорного языка крестьянства и низших слоев городского населения того времени занимает значительное место в языке сказок Пушкина. В этот пласт входят просторечные, фамильярные и общепонятные областные слова. Этот лексический слой, которого избегал традиционный литературный язык, получил в поэтическом творчестве Пушкина, в частности в языке его сказок, литературное признание и оказался весьма пригодным для целей литературной обработки народных сказочных сюжетов. Этот словарный материал входит в язык отдельных сказок то в большей, то в меньшей степени в зависимости от характера изображаемых ситуаций. В большом количестве указанная лексика употребляется в сказках «О попе и работнике его Балде», «О рыбаке и рыбке», так как в них изображается обычная бытовая обстановка. В сказках «О царе Салтане...», «О золотом петушке», «О мертвой царевне...» мы видим изображение царского двора.

Приведем примеры разговорной, просторечно-фамильярной и областной лексики в языке сказок.

Сказка «О попе и о работнике его Балде»: *толоконный (лоб)* (обл.), *взыскался* (простореч.), *поп* (разг.), *щелк* (обл.), *накладно* (простореч.), *проворье* (обл.), *тятя* (простореч.), *баба* (разг., вульг.), *собака* (бран.), *супостат* (простореч.), *мордка* (вульг.), *корячится* (простореч.), *коли* (союз) (обл.), *ан* (союз) (простореч.), *череда* (простореч.), *свалка* (драка) (простореч.), *плясать* («до света все у него пляшет») (разг.), и др.

Сказка «О медведихе»: *знать* (вводное слово) (разг.), *хорониться* (простореч.), *выедать* (разг.), *осержаться* (разг.), *пуп* (разг.), *пороть* («*брюхо пороть*») (разг.), *сымать* (простореч.), *трои* (числ.) (обл.), *байбак* (разг.).

Сказка «О рыбаке и рыбке»: *дурачина* (разг., фамил.), *простофиля* (разг.), *кликать* (простореч.), *вздуриться* (простореч.), *пуще* (простореч.), *взмолиться* (разг.), *чупрун* (обл.), *поперек* (в значении «*наперекор*») (разг.), *проклятый* («*что мне делать с проклятою бабой?*») (разг.) и др.

Сказка «О царе Салтане...»: *кабы* (разг.), *позадь* (простореч., обл.), *полюбиться* (разг.), *пуститься* (разг.), *в те поры* (обл.), *родины* («*Наступает срок родин*») (простореч.), *извести* (разг.), *перенять* (в знач. «*захватить*», «*перехватить*») (обл.), *зверюшка* (простореч.), *чудесить* (разг.), *обобрать* (разг.), *хмельной* (обл.), *вопить* (разг.), *дичина* (обл.), *клев* (в значении «*клюв*») (обл.), *ладно* (простореч.), *баять* (обл.) и др.

Сказка «О мертвой царевне...»: *инда* (обл.), *издалеча* (обл.), *ломливый* (разг.), *сыскаться* (разг.), *дурь* (разг.), *вишь* (простореч.), *наказывать* (в значении «*давать поручение*») (простореч.), *трезвонить* (простореч.), *святые* (в значении «*иконы в переднем углу*») (разг.), *спознать* (простореч.), *рассвело* (обл.), *тужить* (разг.) и др.

Сказка «О золотом петушке»: *лезть* (в значении «*напирать*») (простореч.), *справить* (обл.), *лихой* (разг.), *сулить* (простореч.), *угомониться* (разг.), *большой, меньшей* (о сыне) (простореч.), *выручка* («*ишлёт на выручку большого*») (разг.), *промеж* (простореч.), *завыть* (в значении «*громко плакать*») (вульг.), *ввернуться* («*или бес в тебя ввернулся*») (разг.), *рехнуться* (простореч.), *лих* (частица) (обл.), *хватить* (разг.), *вздорить* (разг.).

Вхождение слов из живого разговорного русского языка в литературу началось задолго до Пушкина. М.В Ломоносов в своей теории стилей разрешил проблему литературного использования слов разговорного языка, и писатели XVII и первой половины XIX в. пользовались нравом вводить их в

язык своих произведений – в пределах, указанных Ломоносовым. Слова живого разговорного языка можно видеть в языке комедий и басен, например, у Фонвизина, Хемницера, Грибоедова, особенно у Крылова и др. Проникали эти слова и в произведения иных жанров и даже в произведения высокого стиля (например, в оды Державина, см. его оду «Фелица»).

Однако у предшественников Пушкина лексика разговорных стилей языка вводится только в произведения, главным образом, «низкого стиля», по терминологии М.В. Ломоносова [Бейсов 2000: 172]. Заслугой Пушкина является то, что он создал русский литературный язык на народной национальной основе. Он произвел, с присущим ему художественным чутьем и тонким знанием русского языка, строгий отбор языковых средств и выковал новый, реалистический язык новой, реалистической литературы. В этот язык Пушкин отобрал все то, что ему казалось в языке необходимым для точного и образного выражения мыслей и чувств. С этой меркой он подходил ко всем языковым материалам, в частности и к лексике и фразеологии разговорного языка.

Вполне естественно, что, оценив положительно те или иные языковые элементы, признав их литературное достоинство, Пушкин смело пользовался ими в своих стихотворных и прозаических произведениях и смело вводил их в литературный оборот.

Словарный состав языка сказок обнаруживает наличие в нем значительного количества слов, свойственных языку народно-поэтического творчества. Как было сказано ранее, Пушкин высоко ценил мощь народного поэтического слова, поэтому вполне понятно, что в свой поэтический язык он включил элементы из языка русского фольклора.

Вот некоторые примеры фольклорной лексики в языке сказок.

Сказка «О царе Салтане...»:

«Здравствуй, красная я девица, –

Говорит он...

Вы ж, голубушки-сестрицы,

Выбирайтесь из светлицы».

Засмолили, покатали

*И пустили в **Окиян**,*

*В **синем море** волны хлещут...*

*Улетела **лебедь-птица**...*

Кроме этого: *булат, тридцать три богатыря, словно реченька журчит, матушка моя родная, остров Буян, ретивое («в нем взыграло ретивое»).*

Сказка «О рыбаке и рыбке»:

*Сказал ей **ласковое** слово...*

*Перед ним изба со **светелкой**...*

*С дубовыми, **тесовыми** ворота...*

*Жемчуги **огрузили** шею,*

*На руках **золотые** перстни,*

*На ногах **красные** сапожки.*

Сказка «О мертвой царевне...»:

*В **путь-дорогу** снарядился...*

***Ждет-пождет** с утра до ночи,*

*Не видать **милова** друга...*

***Не кручинься**, бог с тобой...*

Кроме этого: *стол дубовый, люди добрые, милая сестрица, серые утки, зеленая дубрава, белые руки, красно солнце, свет наш, солнышко, темная ночь, месяц ясный, ветер-буйный зеленое вино.*

Сказка «О золотом петушке»:

*Негде, в **тридевятом** царстве,*

*В **тридесятом** государстве,*

***Жил-был** славный царь Дадон...*

*Видит **шелковый** шатер.*

Сказка «О медведихе»:

*Из **лесу дремучего** выходила...*

Стала кликать малых детушек...

Грянулась... о сыру землю.

В ту пору медведь... голову повесил.

Кроме этого: *зайка серенький, глаза завистливые, белая зорюшка.*

Слова этого пласта встречаются в народных песнях, сказках, духовных стихах, пословицах, поговорках. Вот несколько примеров из произведений народного устного творчества для сравнения с лексикой сказок Пушкина.

На море, на окияне, на острове на Буяне стоит светлица [Андреев 1938: 56]... .

Во лесах в дремучих

Тут брала девка ягоды...

(Записи народных песен Пушкиным, песня № 8) [Пушкин 1995: 26]

Красны девки разыгрались,

Молодушки расплясались.

(Песня № 11).

Монисты золоты

Шею огрузили.

(Песня № 20).

А втапоры Вольх он догадлив был.

(Былина «Волх Сеславьевич») [Обнорский 1957: 300].

В лексике языка сказок Пушкина нашли себе место слова русского старинного письменно-книжного языка, воскрешающего перед читателем картины русского средневековья – жизнь царского двора, жизнь крестьянства и купечества. Слова эти встречаются почти во всех пушкинских сказках. Вот несколько примеров этих слов: *гонец, грамота, лук, стрела, колымага, княжая шапка, торг, корабельщик, венец (царский), дьяк, приказный, богатырь, латы* (сказка «О царе Салтане...»); *черная крестьянка, столбовая дворянка, палаты (дворец), заморское вино* (сказка «О рыбаке и рыбке»); *торговый город, сенная девушка, царевна, рогатка* (сказка «О мертвой царевне...»); *рать, воевода, шелом, меч* (сказка «О золотом петушке»);

торговый гость, подьячиха, смерд, целовальник, скоморох, ярыжка (сказка «О медведихе»).

Номенологическая лексика сказок Пушкина основана на номенологическом словаре русского фольклора. В языке пушкинских сказок восемь собственных имен: в сказке «О царе Салтане...» – Салтан, Гвидон, Бабариха, Черномор, в сказке «О попе и работнике его Балде» – Балда, в сказке «О мертвой царевне...» – Чернавка и Елисей, в сказке «О золотом петушке» – Дадон.

Кроме того, следует упомянуть два собственных названия мест – остров Буян (из сказки «О царе Салтане...») и Пустая гора – (из сказки «О мертвой царевне...»).

Имена сказочных персонажей – царя Салтана, князя Гвидона можно найти в «Сказании с Бове», в котором упоминается король Видон, царь Султан упоминается и в записях народных сказок самого Пушкина (см. сказку № 8). Имя волшебника Черномора Пушкин, по-видимому, заимствовал из сказок Арины Родионовны (ср. посвящение к поэме «Руслан и Людмила»: «Времен минувших небылицы, в часы досугов золотых, под шопот старины болтливой рукою верной я писал»). Балда, попов работник, фигурирует в записях сказок у Пушкина (см. сказку под № 3). В «Сборнике Кирши Данилова» (сборник был известен Пушкину) в сказке «Дурень» есть имя Бабариха. В той же сказке сестру дурня зовут Черnavой. Имя царя Дадона известно из «Сказания о Бове». Название острова Буяна встречается в русском фольклоре (см. сказку Пушкина № 4) [Пушкин 1995: 117]. Слова Елисей, Пустая гора – обычные русские народные названия, которые могли быть заимствованы из живой народной речи. Таково же и слово Соколко (кличка собаки) из сказки «О мертвой царевне...».

Итак, многочисленными примерами мы подтвердили факт принадлежности языка текстов сказок Пушкина к просторечно-разговорной лексике и, тем самым, утвердили статус народности сказок.

2.3. Выразительные средства лексики в текстах сказок А.С. Пушкина

Тексты сказок Пушкина насыщены выразительными средствами. К средствам словесной образности относят прежде всего тропы: метафору, метонимию, синекдоху, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гиперболу и др., а также синтаксико-поэтические фигуры: анафору, эпифору и др. Тропы – явления лексико-семантические, это разные случаи употребления слова в переносном значении, однако, как известно, не всякое переносное значение для современного языкового сознания является образным.

Образность в широком смысле этого слова – это наглядность, красочность, живописность изображения – неотъемлемый признак всякого вида искусства, форма осознания действительности с позиций какого-то эстетического идеала, образность речи – частое ее проявление.

Стилистика рассматривает образность речи как особую стилевую черту, которая получает наиболее полное выражение в языке художественной литературы. Попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему произведения и неизменно выполняет эстетическую функцию [Винокур 1959: 390]. «Слово в художественном произведении, - писал академик В.В. Виноградов, - совпадая по своей внешней форме со словом соответствующей национально-языковой системы и опираясь на его значение, обращено не только к общенародному языку и отражающемуся в нем опыту познавательной деятельности народа, но и к тому миру действительности, который творчески создается или воссоздается в художественном произведении. Поэтому слово двупланово по своей смысловой направленности и, следовательно, в этом смысле образно» [Виноградов 1963: 125].

Более узкое понимание образности речи основано на использовании слов в переносном значении, с измененной семантикой. При этом слова, получающие образное значение, в художественном контексте в какой-то

степени теряют свою номинативную функцию и приобретают яркую экспрессивную окраску.

Тексты пушкинских сказок изобилуют различными образными средствами, но подавляющее большинство в них составляют такие тропы как метафора, олицетворение, сравнение, эпитет.

Под **метафорой** понимают слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства. Однако лингвисты определяют метафору как семантическое явление, вызванное наложением на прямое значение слова добавочного смысла, который у этого слова становится главным в контексте художественного произведения. При этом прямое значение слова служит только основой для ассоциаций автора [Голуб 2004: 134].

Среди других тропов метафора занимает главное место, она позволяет создать емкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных, смелых ассоциациях. Например:

Вот открыл царевич очи;

Отрясая грезы ночи...

(«Сказка о царе Салтане...»)

Как нам известно, значение слова «грезы» трактуется как «сновидения». Данное выражение, выступая как метафора, говорит нам о пробуждении «царевича» и о постепенном отходе ото сна.

Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой...

(«Сказка о царе Салтане...»)

Приведённая выше метафора, «*море подымет вой*», характеризует явление природы, а именно волнующееся море, которое таит в себе что-то необыкновенное, чудесное. В данном случае – могучих богатырей.

Идут витязи четами,

И, блистая сединами,

Дядька впереди идет

И ко граду их ведет.

(«Сказка о царе Салтане...»)

Метафорическое словосочетание «*блистая сединами*» описывает вышедших из морских глубин богатырей. Оно основано на сходстве цвета серебра и седины. С её помощью мы можем догадаться о возрасте могучих воинов и сроке их службы. Данное выражение возвышает богатырей и придает их описанию храбрость и величие.

Но царевна молодая,

Тихомолком расцветая,

Между тем росла, росла,

Поднялась - и расцвела...

(«Сказка о мертвой царевне...»)

Здесь мы наблюдаем сходство с цветком. Девочка росла и превратилась в прекрасную девушку, то есть «*расцвела*», как расцветают цветы, удивляя всех вокруг своей необычной красотой.

Все завывли за Дадоном,

Застонала тяжким стоном

Глубь долин, и сердце гор

Потряслося...

(«Сказка о золотом петушке»)

В отрывке из сказки о золотом петушке слово «*сердце*», прямое значение которого соотносится с человеческим органом, употреблено в переносном смысле. Автор проводит аналогию между главным органом человеческого тела и вершиной гор, которая содрогнулась от «воя» и горечи, исходящих от народа, за сыновьями царя. Таким образом автор показывает нам силу переживаний и сочувствия людей из-за пролитой царской крови.

Стало на сердце пона веселее,

Начал он глядеть на Балду посмелее.

(«Сказка о попе и работнике его Балде»)

Снова мы видим употребление слова «сердце», но в сказке о попе и работнике его Балде оно употребляется в прямом значении. А вот то, что оно стало «веселее» - это уже переносное, метафорическое значение. Здесь речь идёт о настроении попа. Оно у него улучшилось, грусть, печаль ушли и сердце успокоилось. На лице появилась улыбка, а в душе смелость к осуществлению задуманного.

Следующее средство, используемое Пушкиным в своих сказках, **олицетворение** – наделение неодушевленных предметов признаками и свойствами человека. Олицетворение – один из самых распространенных тропов. Традиция его употребления восходит к устной народной поэзии. Многие поэты использовали этот троп в произведениях, близких к фольклору. Художники слова сделали олицетворение важнейшим средством образной речи. Олицетворение используется при описании явлений природы, окружающих человека вещей, которые наделяются способностью чувствовать, мыслить, действовать. [Голуб 2004: 135].

Приведем примеры олицетворений, опираясь на тексты сказок Пушкина:

*Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз **стрела запела**,
В шею коршуна задела...
...**Ветер** на море гуляет
И **кораблик** подгоняет;
Он **бежит** себе в волнах
На раздутых парусах.
(«Сказка о царе Салтане...»)
Все завывали за Додоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось...*

*...И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним **молва бежала,**
Быль и небыль разглашала...
(«Сказка о золотом петушке»)
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря
Так и **вздулись сердитые волны,**
Так и **ходят, так воем и воют.**
(«Сказка о золотой рыбке»)*

В пушкинских сказках олицетворения в основном описывают явления природы. С их помощью автору удалось реальный мир превратить в сказочный.

При чтении сказок Пушкина можно встретить такое образное средство как **сравнение** – сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого. Давайте посмотрим, как этим средством воспользовался знаменитый писатель.

*Вынырнул подсланный бесенок,
Замяукал он, как **голодный котенок...**
(«Сказка о попе и работнике его Балде»)
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воем,
Словно сердце пёсье ноет...
...Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала...
...**Месяц, месяц, мой дружок,**
Позолоченный рожок!...*

(«Сказка о мертвой царевне...»)

Наступает срок родин;

Сына бог им дал в аршин,

И царица над ребенком

Как орлица над орленком...

...Бочка по морю плывет.

Словно горькая вдовица,

Плачет, бьется в ней царица...

...В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря...

...А сама-то величава,

Выплывает, будто пава;

А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит...

...Да! такая есть девица.

Но жена не рукавица:

С белой ручки не стряхнешь,

Да за пояс не заткнешь...

(«Сказка о царе Салтане...»)

Шамаханская царица,

Вся сияя как заря,

Тихо встретила царя.

Как пред солнцем птица ночи,

Царь умолк, ей глядя в очи...

(«Сказка о золотом петушке»)

Благодаря сравнению, в сознании читателя отчетливее вырисовывается образ изображаемых событий, предметов. Сопоставление каких-либо явлений природы и человеческих образов, действий также способствует созданию сказочной формы произведения.

В богатый круг выразительных средств, используемых Пушкиным, входят и **эпитеты** – слова, образно определяющие предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, также наиболее употребительно в художественной речи, где они выполняют эстетическую функцию.

Сказки А.С. Пушкина преобразуют следующие образные определения: *великое чудо, золотая рыбка, черная крестьянка, чёрная буря* («Сказка о рыбаке и рыбке»); *мерзкое стекло, молодое, золотое яблочко, жалко смотрит, грозно воеет, горько плачет, дева красная, ветер буйный, круглолицый, светлоокий месяц, печальная мгла, белешенька земля, тяжелешенько вздохнула, плод румяный, молодецкий разбой* («Сказка о мертвой царевне...»); *пышный двор, город златоглавый, ветер весело шумит, весело бежит, остров крутой, гульливая, вольная волна* («Сказка о царе Салтане...»); *страшный вред, в безмолвии чудесном, тяжкий стон, по кровавой мураве* («Сказка о золотом петушке»).

В этом параграфе мы подробно остановились на тропах, которые преобладают в текстах сказок Пушкина. Исходя из приведённых примеров можно сделать вывод о том, что сказки русского поэта представляют собой кладёзь ярких, красочных, живых, оборотов речи, несущих в себе веяния 19 века, которые актуальны и по сей день.

2.4. Старославянские и церковно-славянские фразеологические единицы в прозе А.С. Пушкина

Среди выразительных средств языка фразеологии принадлежит одно из ведущих мест. Поэтому, с точки зрения стилистического функционирования, анализ фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте представляется немаловажным.

Однако спорным и сложным в современной науке остается вопрос о функционально-стилистическом расслоении фразеологизмов. В настоящее время фразеологи еще не выработали общепринятые критерии определения стилистического значения ФЕ, не выявили признаки, по которым нужно различать фразеологизмы разного стилистического значения.

Отнесенность ФЕ к какому-либо стилистическому пласту в основном опирается на стилистические особенности компонентов, которые входят в состав ФЕ. «Сложность причисления фразеологизмов к какому-либо стилистическому типу также заключается в следующем: из-за своей повышенной образности, постоянной динамики, роли внутренней формы, которая проявляется как в изменении состава фразеологизмов, так и в модификации их семантики, фразеология стилистически выделяется из сферы обычной лексики» [Баранов, Добровольский 2008: 554].

При характеристике стилистической маркированности ФЕ мы использовали данные словарей, а также учитывали особенности функционирования старославянских и церковно-славянских ФЕ в контексте пушкинской прозы.

Исследование особенностей функционирования ФЕ старославянского и церковно-славянского происхождения в прозе А.С. Пушкина является значимым аспектом изучения ФЕ такого типа, так как позволяет определить место старославянских и церковно-славянских единиц в художественном пространстве Пушкина и выявить особенности стиля прозы писателя.

Прежде чем начать рассмотрение стилистических функций старославянских и церковно-славянских фразеологических единиц в прозе А.С. Пушкина, нужно уточнить значение необходимых нам терминов.

К церковнославянизмам обычно относят как старославянские по происхождению, так и общие для старославянского и древнерусского языков слова, которые используются в церковных сочинениях и выходят из живого употребления в литературном языке XIX века.

По мнению К.А. Войловой, термины «церковно-славянский/церковнославянизм, церковно-славянское книжное» следует использовать тогда, когда налицо видна связь с церковью, религией, христианским учением. Понятием «книжно-славянский» следует пользоваться применительно к единицам, имеющим связь с книжно-славянским типом литературно-письменного языка старорусской житийной литературы.

В нашем исследовании мы разграничили понятия церковно-славянская и старославянская единицы, используемые в прозаических текстах А.С. Пушкиным. По мере творческой и духовной эволюции личности А.С. Пушкина меняется и его отношение к использованию старославянских и церковно-славянских единиц – он значительно расширяет их стилистическое поле: «Пушкиным были не только раздвинуты горизонты живому, русскому слову, но и переосмыслены в языке своих произведений слово книжное, старославянское по происхождению, расширив границы его семантико-стилистического поля» [Войлова 2000: 136]. Данные преобразования особенно ярко воплотились в прозе писателя, где им были созданы многочисленные образцы и способы сочетания таких грамматических и словарных категорий, которые ранее были противопоставлены друг другу как категории прозаического и поэтического, низкого и высокого [Виноградов 1999: 9].

Использование церковно-славянских и старославянских ФЕ в художественном тексте, в большинстве случаев, приводит к утрате их

принадлежности к высокому стилю, ФЕ нейтрализуются или превращаются в просторечные единицы в условиях контекста. При этом, как замечает К.А. Войлова, «сохраняется сакральное содержание церковнославянизма, который объединяет вокруг себя весь текст, становясь центральной единицей» [Войлова 2000: 136].

Снижение стилистического статуса церковно-славянской и старославянской ФЕ происходит по нескольким причинам. В первую очередь, это использование ФЕ в трансформированном виде, когда трансформации подвергается не только структура, но и семантика ФЕ. Претерпев подобные изменения, ФЕ развивают в пределах своего пространства явные экспрессивно-стилистические свойства.

Следующая причина изменения стилистического статуса, исследуемых нами фразеологических единиц – погружение ФЕ в синтаксические конструкции разговорной стилистической окрашенности:

- 1) разговорные;
- 2) разговорно-просторечные;
- 3) бытовой контекст [Войлова 2000: 142].

Развивая статус разговорно-бытовой, просторечной единицы, церковно-славянские ФЕ репрезентируют необычность психологического состояния героев, подчеркивая ситуативную обусловленность употребления. Например: *«Савельич был так поражен сказанными мной словами, что сплеснул руками и остоленел. «Что же ты стоишь!» – закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали...»* («Капитанская дочка»). ФЕ **«не умори меня с печали»** выступает в данном контексте в виде эмоционально-экспрессивной единицы, передающей психологическое состояние героя. Ее употребление становится ситуативно обусловленным.

Дополнительными средствами, которые выражают эмоционально-экспрессивное состояние Савельича, становятся вербальные и невербальные средства: интонация, жесты, внутреннее состояние, внешний вид: *«Савельич*

так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел; Савельич заплакал; произнес он дрожащим голосом; поглядел на меня с глубокой горестью» («Капитанская дочка»). Структурно-семантическая трансформация ФЕ **«не умори меня с печали»** также способствует снижению стилистического статуса ФЕ, переводя ее в разряд просторечных единиц. Об этом свидетельствует и то, что эту форму использует в речи слуга Гринева Савельич, человек необразованный, из народа, но человек верующий, который посещает храм, который знаком со Священным писанием.

В контексте: *«Ах! мой батюшка! – возразила комендантша, – **да разве муж и жена не один дух и единая плоть?** ...Сейчас рассади их по разным углам на хлеб и на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть **отец Герасим наложит на них эпитимию**, чтоб молили у бога прощения да каялись перед людьми»* («Капитанская дочка»). ФЕ церковно-славянского происхождения переходят в разряд разговорно-бытовых конструкций, так как:

- 1) в составе самих ФЕ находятся разговорные единицы *да разве... не;*
- 2) фразеологизмы погружены в бытовой контекст, в связи с чем сакральный характер и высокая стилистическая окрашенность церковно-славянских ФЕ утрачивается;
- 3) из-за структурно-семантической трансформации, вызванной расширением компонентного состава ФЕ, стилистический статус ФЕ изменяется.

В итоге ФЕ развивают эмоционально-экспрессивный оттенок, который отражается на всем контексте. Например, здесь: *«А то в них дурно, – отвечал разгоряченный супруг, – что с тех пор, как они завелись, мужья не сладят с женами. Жены позабыли слово апостольское: **жена да убоятся своего мужа**; хлопочут не о хозяйстве, а об обновах; не думают, как бы мужу угодить, а как бы приглянуться офицерам- вертопрахам»* («Арап Петра Великого») ФЕ переходит в разряд разговорных, развивая эмоционально-стилистический оттенок с отрицательной коннотацией. Этому способствует класс денотативных слов, которые окружают фразеологизм, отражающий

эмоциональное состояние и отношение героя к ситуации: *«отвечал разгоряченный супруг»*; *«позабыли слово апостольское»*.

По характеру эмоционально-экспрессивной оценки ФЕ церковно-славянского происхождения можно разделить на положительные и отрицательные. К положительным относятся ФЕ, которые содержат в себе доброжелательное отношение к чему или кому-либо, одобряющий отзыв, благодарность, иронию, не исключающую серьезного отношения. В эту группу включаются такие ФЕ, как: *слава Богу, благодать божия, награди Господь, дай Бог, земля обетованная красоты, утешение всех скорбящих, царство небесное, сие да будет сказано не в суд, и не во осуждение, суета сует*. Например:

«Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей» («Капитанская дочка»).

«Как не знать! Он выучил меня вырезывать дудочки. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы за ним: «Дедушка! орешков!» – а он нас орешками и наделяет»(«Станционный смотритель»).

«Чем свет оставим крепость и пойдем куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой» (Капитанская дочка).

«Удались от зла и сотвори благо, – говорил поп попадье, – нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. – Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее расслышать» («Дубровский»).

«Суета сует – сказал священник – и Кирилу Петровичу отпоят вечную память, всё как ныне и Андрею Гавриловичу разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а богу не все ли равно!» («Дубровский»).

К отрицательным относятся ФЕ, которые содержат в себе неодобрительную оценку чего- или кого-либо, порицание, угрозу: *не умори меня с печали, жена да убоится своего мужа, бога не боишься, наложит*

эпитимию, Господи Владыко, бог с ним, бог ведает, Господи Царю небесный.

Например:

«Бога ты не боишься, разбойник! – отвечал ему Савельич суровым голосом» («Капитанская дочка»).

«И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Ивановичем; я и сам до него не охотник» («Капитанская дочка»).

«Ты женишься или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю!» («Барышня-крестьянка»).

«Чему смеетесь, бесенята, – сказал им сердито кузнец. – Бога вы не боитесь: божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь» («Дубровский»).

«Как! не почитать церковь божью! прочь хамово племя! Слыхано дело, ваше превосходительство, псаря вводят собак в божью церковь! собаки бегают по церкви. Я вас ужасно проучу...» («Дубровский»).

«Вошел в комнату, я тотчас узнал картинку, изображающую историю блудного сына...» («Станционный смотритель»).

В приведенных примерах фразеологические единицы, подвергаются различным семантико-стилистическим модификациям и представляют важное средство художественной выразительности, реализующее эмоциональное и оценочное отношение говорящего к объекту речи. В конечном примере Евангельская история о блудном сыне ФЕ получает новое осмысление, задавая стиль и тон повествования в целом. Являясь фразеологической доминантой текста, она отражает идейную направленность повести, а также создает его особую образность и выразительность.

Мы выяснили, что переходящая в статус междометных единиц церковно-славянская ФЕ утрачивает высокую стилистическую окрашенность, что в результате приводит к формированию новой стилистической функции, совмещающей в себе эмоциональный и стилистические признаки. При изменении своего грамматического статуса фразеологические единицы развивают и дополнительные оттенки значений, что помогает расширению стилистического и изобразительно-

выразительного потенциала ФЕ церковно-славянского происхождения. Например: «*Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это все кончится?... Ахти господи! Отроду такого греха не бывало!... – Ах, боже мой, отчего же так темно? Ах, боже мой, отчего же так темно?*» («Капитанская дочка»). В приведенных примерах ФЕ церковно-славянского происхождения в разговорных конструкциях становится междометной единицей, которая передает различные эмоции, чувства персонажей. Такие формы как «*Господи владыко!*», «*боже мой*»; «*ахти господи*» образованы от формы звательного падежа и в современном русском языке и имеют не первоначальное значение, а лишь выполняют экспрессивно-стилистические функции, связанные с такими чертами разговорной речи, как экспрессивность, непринужденность, диалогичность.

Итак, в ходе анализа ФЕ церковно-славянского и старославянского происхождения мы выявили следующие случаи изменения стилистического статуса исследуемых фразеологических единиц:

1. Посредством погружения в насыщенный бытовой лексикой и разговорными единицами контекст, церковно-славянские ФЕ переходят в разряд разговорно-бытовых.

2. Просторечные и диалектные единицы развивают просторечный характер церковно-славянских ФЕ.

3. Структурная и стилистическая трансформация церковно-славянских ФЕ приводит к утрате сакрального значения.

4. За счет перехода ФЕ церковно-славянского происхождения в новый частеречный статус, в них происходят дополнительные эмоционально-стилистические изменения.

Таким образом, фразеологические единицы старославянского и церковно-славянского происхождения в художественном пространстве прозы А.С. Пушкина выполняют следующие стилистические функции:

- являются средством речевой характеристики героев;
- используются как средство стилизации народной речи;

-передают внутреннее состояние героев и их эмоционально-экспрессивное состояние;

-переходят в разряд междометных единиц, расширяя тем самым стилистические возможности книжной единицы для передачи эмоционального состояния героев.

2.5. Функционирование изобразительно-выразительных средств в повестях А.С. Пушкина

Литературный язык справедливо считается высшей формой существования национального языка. Именно А.С. Пушкин, опираясь на достижения русских писателей XVIII – начала XIX века, завершил становление русского литературного языка, усовершенствовал то, что сделали до него в этой области М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, И.А. Крылов, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский и др. Именно с именем А.С. Пушкина связывается само понятие современного русского литературного языка. В.В. Виноградов отмечал, что «ориентация произведений крупных писателей направлена на общую систему литературного языка данного времени. Их стиль соотносится и связывается с литературной нормой выражения». Кроме того, «в личном стиле отражается и сказывается свойство и строение языка нации, отражается много типических черт стиля эпохи» [Виноградов 1978: 162].

Очевидно, что анализ языка пушкинских произведений дает много любопытнейших фактов и с позиции особенностей развития индивидуально-творческого метода писателя, и с точки зрения истории развития русского литературного языка в целом.

По мнению Л.А. Булаховского, при осуществлении языкового отбора А.С. Пушкин опирался на два важнейших принципа – «соразмерности» и «сообразности», что подразумевает соответствие «общим свойствам грамотности, содержанию и индивидуализации образов, жанру, типу коммуникации, реалистичности изображения, народности, прежде всего соответствию внешнего и внутреннего мира литературного героя» [Булаховский 1999: 255].

До А.С. Пушкина, как утверждает В.М. Бельдиян, «многословная» русская литература страдала бедностью мысли, у него же появляется краткость при богатом содержании. Вследствие этого характерной чертой

произведений классика стало особое построение минимизированной речи, вызывающее масштабную художественную пресуппозицию, то есть подразумеваемое содержание [Бельдиян 1998: 71].

В языке пушкинской прозы нет ничего лишнего, второстепенного, в прозаических произведениях писателя присутствует минимальное количество описаний, стремительное развитие действий, раскрытие характеров персонажей через их поступки, а не через оценки автора. Скупость Пушкина на метафоры, сравнения, эпитеты определяет своеобразное строение предложений и особенности художественной выразительности в прозе писателя.

Литературовед А.З. Лежнев справедливо заметил, что имя существительное в сочетании с глаголом является пределом прозаической фразы Пушкина, «нагой фразой» без украшений. Автор пишет, что Пушкин нередко вплотную подходит к этой «воображаемой границе» и, тем самым, фразы автора получаются лаконичными и понятными:

*«Ямщик **поскакал**; но все **поглядывал** на восток. Лошади **бежали** дружно... Пошел мелкий снег – и вдруг **повалил** хлопьями. Ветер **завыл**; **сделалась** метель»; «Он **услышал** стук опускаемой подножки. В доме **засуетились**. Люди **побежали**, **раздались** голоса, и дом **осветился**. В спальню **вбежали** три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и **опустилась** в вольтеровы кресла»; «Все **бросили** карты, **встали** изо стола. Всякий, **докуривая** трубку, стал **считать** свой или чужой **выигрыш**. **Поспорили**, **согласились** и **разъехались**» [Пушкин 1994: 179].*

В контексте значение «нагой фразы» определяет глагол, берущий на себя основную нагрузку выразительности, следовательно, живописность речи достигается при помощи использования глагола [Лежнев 1996: 54]. Доказательство этого мы увидели в приведенных выше примерах. Но смысловая и стилистическая значимость глаголов у Пушкина проходит тщательный отбор и максимально точно сочетается в предложениях с другими словами. В итоге мы наблюдаем ту самую «прелесть нагой

простоты», являющуюся стержневым компонентом выразительности пушкинской прозы.

Образные средства в прозе Пушкина встречаются довольно редко. Употребление писателем всевозможных художественных средств выразительности не является только лишь выполнением функции украшения слога, они помогают репрезентации глубокого содержания и смысловой информативности.

Изобразительно-выразительные средства – основная составляющая всех художественных произведений. Именно языковые средства выразительности придают речи наглядность, образность, особое оформление, способствуют привлечению внимания, помогая легкому восприятию художественного текста.

Материалом для нашего исследования мы выбрали такие повести А.С. Пушкина, как «Капитанская дочка», «Пиковая дама», «Выстрел», «Метель» и «Барышня-крестьянка». Эти повести демонстрируют различные языковые средства выразительности, в результате анализа нами зафиксировано 670 единиц. Изобразительно-выразительные средства помогают автору добиться живописности и ясности описываемых событий. Каждый троп и стилистическая фигура речи несут в себе не только эстетико-стилистическую, но и смысловую нагрузку. В каждой повести содержится определенное количество изобразительных средств, характеризующих различные действия, описания и явления. Например, в повести «Барышня-крестьянка» нами отмечено **110 эпитетов** (*лукавая усмешка, увядшая юность, вечные подробности, рябая девка, глухой шум, чистый воздух, роковое кольцо, чистое сердце, бешеный слог и т.д.*), **10 сравнений** (*делает души однообразными, как головные уборы; несколько раз качала головой, наподобие глиняных котлов; ожидали солнца, как царедворцы государя; фальшивые локоны были взбиты, как парик Людовика XIV; рукава торчали, как физжмы у Мадам де Помпадур; талия была перетянута, как буква икс и т.д.*), **5 метафор** (*список ходил по рукам; умирать со скуки; дочери надулись;*

золотые ряды облаков и т.д.), **2 олицетворения** (заря сияла; совесть ее роптала громче разума), **анафора** (Воля твоя Настя, ты врешь./Воля ваша, не вру.).

Повесть «Выстрел» содержит **93 эпитета** (жидовский характер, сверкающие глаза, резкое злоречие, голые стены, добрый путь, мрачная бледность, судорожная веселость, плоская грубость, горький пьяница, одичалая застенчивость и т.д.), **3 метафоры** (шампанское лилось рекою; на совести лежала жертва; я глядел на него жадно, стараясь уловить хоть одну тень беспокойства), **3 сравнения** (стены были в скважинах, как пчелиные соты; стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке; ждал графа с трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра).

В повести «Метель» мы выделили **39 эпитетов** (бранный воздух, интересная бледность, обыкновенная задумчивость, жесткие родители и т.д.), **6 метафор** (мрак деревьев, обнаженных зимою; переписка сделалась живее; вопросы раздирали ее сердце и т.д.), **сравнение** (пот катился градом).

Повесть «Станционный смотритель» также насыщена **эпитетами** (роковая книга, свежий человек, глубокие морщины, бедный больной, убийственное известие и т.д.) (**25**), **метафорой** (слезы были возбуждены пуншем), **сравнением** (живописно отирал слезы полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева).

В повести «Капитанская дочка» мы нашли следующие средства выразительности: **130 эпитетов** (кривая коровница, преступная слабость, мертво пьян, удивительное волнение, блестящие надежды, глубокая горесть, безмолвное раскаяние, снежное море, свирепая выразительность, глухая крепость, крутой берег и т.д.), **50 умолчаний** («Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» – а! наконец догадался... и прочая и прочая...; «Ну, барин, – закричал ямицик, – беда: буран!»... и т.д.), **15 сравнений** (уснул как убитый; стихотворцам нужен слушатель, как И.К.

графинчик водки перед обедом и т.д.), 12 метафор (надежды рушились; волны грустно чернели; тень правдоподобия и т.д.), 4 гиперболы (век не забуду ваших милостей и т.д.), 5 ироний (описание «урока» месье Бопре, во время которого Петруша был «занят делом» – изготавливал бумажный змей из географической карты; Петруша к 12 годам «выучился русской грамоте и мог со знанием дела толковать о свойствах борзого кобеля»; «несомненные успехи в службе» на постоялом дворе – употреблении пуниша и игра в бильярд и т.д.).

В повести «Пиковая дама» А.С. Пушкиным было использовано **123 эпитета** (*жалкая роль, пышная гостиная, острый вздох молодости, быстрый румянец, огненное воображение, демонские усилия, и т.д.*), **13 сравнений** (*Герман трепетал, как тигр; красавица с орлиным носом и т.д.*), **8 метафор** (*тяжелы ступени чужого крыльца; охладить в офицере охоту к преследованиям; он окаменел и т.д.*), **7 умолчаний** (*тут он открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал... и т.д.*), **4 метонимии** (*шампанское явилось; шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара и т.д.*), **4 гиперболы** (*пренесчастное создание и т.п.*).

Исходя из нашего анализа, мы выяснили, что повести А.С. Пушкина все-таки насыщены разнообразными средствами выразительности. Каждая повесть содержит в основном похожие языковые средства, поэтому их объединению послужило не только авторское знание души и сердца человека, но и искусное употребление языковых средств. Возможно, это стало причиной, по которой Лев Толстой в апреле 1873 года спрашивал у П.Д. Голохвастова в письме, как давно он перечитывал прозу Александра Сергеевича и сердечно просил своего товарища снова вспомнить с самого начала все «Повести Белкина», так как их надо знать и подробно изучать каждому уважающему себя писателю [Горшков 1993: 57].

Наше внимание привлекло частое использование Пушкиным такого средства выразительности, как эпитет. В исследованных нами повестях он

встречается 520 раз, что составляет 78 % от всего количества использованных средств выразительности.

По классификации, рассматривающей эпитеты со структурной точки зрения, нами было исследовано это средство выразительности. В данной классификации выделяются:

-простые эпитеты (состоят из одного прилагательного, которое образует с определяемым словом сочетание);

-слитные (эпитеты-прилагательные, которые образуются из двух-трех слов);

-составные (включающие два или несколько определений при одном определяемом слове);

-сложные (передают групповой смысл) [Виноградов 1989: 115].

Проанализировав собранный нами материал и составив классификацию выявленных эпитетов, мы выяснили, что наиболее часто в исследуемых нами повестях встречаются простые и слитные эпитеты.

Простые эпитеты встречаются в повестях в количестве 278 раз. С их помощью характеристики героев, ситуаций, природных явлений повестей становятся точнее и ярче:

«Барышня-крестьянка»: настоящий барин, новые долги, смелый оборот, чопорная девица, милая Настя, славная выдумка, рябая девка, лукавая усмешка, чистый воздух, бешеный слог, чистое сердце, роковое кольцо и т.д.

«Выстрел»: обыкновенная угрюмость, резкое злоречие, голые стены, мрачная бледность, судорожная веселость, совершенное отчаяние, плоская грубость, одичалая застенчивость и т.д.

«Метель»: жесткие родители, счастливая жизнь, бранный воздух, ужасная метель, бедная жена и т.д.

«Капитанская дочка»: добрый старик, преступная слабость, несчастная книга, удивительное волнение, тяжкое несчастье, проклятый

мусье, трактир, собачий сын, глубокая горесть, печальные пустыни, свирепая выразительность, сверкающие глаза, окаянные плечища и т.д.

«Пиковая дама»: огненное воображение, лихорадочный трепет, фантастическое богатство, необузданное воображение, вечное блаженство и т.д.

Характеристика настроения, поступков, человеческих качеств персонажей, описание окружающей обстановки передается красочно и понятно благодаря эпитетам.

Далее, мы выделили составные эпитеты, которые использовались в повестях 180 раз, они представлены, как правило, прилагательными. Эти эпитеты характеризуют явления, предметы, разные действия, героев произведений.

«Капитанская дочка»: благородная и чувствительная девушка и т.д.

«Барышня-крестьянка»: стройный, высокий румянец; глухой, перекатный шум; пылкий малый; ясное, холодное утро и т.д.

«Метель»: мутная, желтоватая мгла; белый волнистый ковер и т.д.

«Пиковая дама»: пожал ее безответную, холодную руку; скучная, пышная гостиная; молоденькая, быстроглазая мамзель; лицо истинно романтическое и т.д.

Сложные эпитеты, в основном представляющие собой составные именные сказуемые, у которых именная часть выражена прилагательным, встречаются в исследуемых нами повестях 62 раза. Хотя их употребление в повестях мы встречаем нечасто, данные эпитеты помогают созданию наиболее яркой и объемной картины в произведениях.

«Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности»
(«Капитанская дочка»)[Пушкин 1994: 456].

«... и был он в обществе очень любезный» («Пиковая дама») [Пушкин 1994: 389].

Составные эпитеты в указанных повестях не встречаются.

Исследуемые нами повести являются еще одним доказательством того, что А.С. Пушкин умело смог передать эстетический и образный потенциал прозаических текстов. Писателем частотно используются простые эпитеты. Благодаря средствам выразительности повести приобретают динамичную форму и служат богатым источником лексического тезауруса адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При помощи изначально поставленных нами задач, удалось достигнуть желаемой цели работы. Изучая лексику пушкинских текстов, мы прониклись эпохой 19 века и почерпали для себя много нового и интересного материала.

В теоретической части работы, опираясь на труды Е.С. Кубряковой, И.А. Щировой, И.А. Стернина, Г.И. Берестнева, И.Н. Пахомовой и др., мы подробно рассмотрели когнитивно-коннотативный аспект в современной лингвистике, взаимодействие коннотации и когнитивной лингвистики, коннотации и смысла.

В ходе анализа особенностей языка художественных текстов А.С. Пушкина мы выяснили, что в текстах сказок довольно широко используется старославянская лексика, хранящая в себе определенные исторические моменты как крестьянской, так и царской жизни.

Лексико-семантическая классификация старославянских имен существительных представлена 14 группами:

- 1) названия вземных высших сил;
- 2) названия церковных и других сооружений;
- 3) названия предметов церковного употребления;
- 4) названия религиозных действий, таинств;
- 5) названия абстрактных понятий и состояний;
- 6) названия психических состояний;
- 7) названия речевых действий;
- 8) названия лиц по виду деятельности;
- 9) названия лиц по должности или социальному состоянию;
- 10) названия собирательных существительных, обозначающие лиц по сфере деятельности;
- 11) названия различных местностей;
- 12) названия одеяний;
- 13) названия различных предметов;

14) названия частей тела.

Среди представленных групп, самой многочисленной является обозначающая названия абстрактных понятий и состояний. Помимо имен существительных в сказках А.С. Пушкина довольно широко представлены и другие части речи, а именно – группа глаголов речемыслительной деятельности.

Мы определили стилистические функции, которые выполняют фразеологические единицы старославянского и церковно-славянского происхождения в художественном пространстве прозы А.С. Пушкина, а именно:

- являются средством речевой характеристики героев;
- используются как средство стилизации народной речи;
- передают внутреннее состояние героев и их эмоционально-экспрессивное состояние;
- переходят в разряд междометных единиц, расширяя тем самым стилистические возможности книжной единицы для передачи эмоционального состояния героев.

Народность текстов сказок подтверждается наличием в них языка народно-поэтического творчества, разговорной, просторечно-фамильярной, областной лексики. Также прослеживается связь с сюжетами произведений народного творчества.

Анализ художественных текстов Александра Сергеевича указал на большое количество изобразительно-выразительных средств, создающих динамичную форму и служащих богатым источником лексического тезауруса адресата.

Все выводы в очередной раз убеждают нас в величии русского гения и открывают новые горизонты для развития отечественной науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественные тексты

1. Пушкин А.С. Стихотворения и сказки. – Москва: Просвещение, 1995. – 250 с.
2. Пушкин А.С. Стихи и сказки для детей. – Киев: Наукова думка, 1987. – 240 с.
3. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Евгений Онегин. Романы и повести. – Москва: Художественная литература, 1994. – Т. 3. – 280 с.
4. Русский фольклор: хрестоматия/ сост. Н.П. Андреев. – Москва: Просвещение, 1938. – 465 с.
5. Хрестоматия по истории русского языка. В 2 ч. Ч. 2: сборник пр-й/ под ред. С.П. Обнорского. – Москва: АЭЛИТА, 1957. – 500 с.

Основные источники

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Ленинград: Наука, 1975. – 150 с.
2. Анкин Д.В. Семиотика философии: философско-методологические аспекты: автореф. дис. докт. филос. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2004. – 188 с.
3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного произведения. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 304 с.
4. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – Москва: Наука, 2008. – 670 с.
5. Барт Р. Бальзаковский текст: опыт прочтения/ пер. Г.К. Косикова и В.П. Мурат; общ. ред., вступит. ст. Г.К. Косикова. Москва: Ad Marginem, 1994. – 125 с.
6. Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл»// Словарь. Грамматика. Текст: сб. ст./ отв. ред. Ю.Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М., 1996. – 480 с.

7. Булаховский Л.А. Русский литературный язык – Москва: Просвещение, 1999. – 349 с.
8. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – Москва: Просвещение, 1999. – 189 с.
9. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка. – Москва: Просвещение, 1999. – 205 с.
10. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – Москва: Изд-во «Наука», 1978. – 270 с.
11. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – Москва: Академия наук СССР, 1963. – 255 с.
12. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: избранные труды. – Москва: Наука, 1989. – 290 с.
13. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – Москва: Учпедгиз, 1999. – 270 с.
14. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка. – Москва: Просвещение, 1959. – 540 с.
15. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке: Монография. – Москва: Наука, 2000. – 165 с.
16. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 237 с.
17. Глушакова Т.Е. Концептуально-прагматический аспект субстантивных фразеологических единиц с отрицательной коннотацией в современном французском языке: дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2003. – 130 с.
18. Гоголь Н.В. Полное собр. соч. В 14 т. Т. 8// Несколько слов о Пушкине. – Москва: Просвещение, 2004. – 679 с.
19. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – Москва: Дрофа, 2004. – 258 с.
20. Горшков А.И. А.С. Пушкин в истории русского языка – Москва: Просвещение, 1993. – 230 с.
21. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода/ пер. с фр. А. Зиминой. – Москва: Академический Проект, 2004. – 368 с.

22. Диспозиция «свой-чужой» в культуре/ под ред. А.С. Кравца. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 257 с.
23. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. – Т. 2. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 110 с.
24. Зеленщиков А.В. Предисловие от редактора// Актуализация предложения: в 2 т. – Т. 1: Категории и механизмы. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 236 с.
25. Зенкин С.Н. Культурология префиксов// Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций/ ред. М.К. Попова и В.В. Струков. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 360 с.
26. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – Москва: Просвещение, 1993. – 167 с.
27. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Просвещение, 2003. – 390 с.
28. Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 302 с.
29. Кретов А.А. Славянские этимологии: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 364 с.
30. Кронгауз М.А. Семантика. – Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
31. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. докт. филол. наук. Волгоград, 2004. – 154 с.
32. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва: Яз. слав. кул-ры, 2004. – 238 с.
33. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках/ отв. ред. В.Н. Телия. Москва: Яз. слав. кул-ры, 2004. – 115 с.
34. Лежнев А.З. Проза Пушкина: Опыт стилового исследования. – Изд. 2-е. – Москва: Художественная литература, 1996. – 180 с.

35. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. – Москва: Наука, 2003. – 234 с.
36. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие к курсам языкозн., лексиколог. и теор. грамматики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. – 87 с.
37. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2003. – 127 с.
38. Пахомова И.Н. Коннотация и лексическая семантика слова: автореф. дис. канд. филол. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – 145 с.
39. Поликарпов А.А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка. Тр. Казан. шк. по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань, 2001. – 150 с.
40. Пономарев О.К. Стилистика украинской речи. – Киев: Наукова думка, 1993. – 200 с.
41. Пушкинский юбилейный сборник/ под ред. П.С. Бейсова – Ульяновск: тип. обл. полиграф. упр., 1949. – 348 с.
42. Ричардс А. Философия риторики// Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. – 95 с.
43. Русановский В.П. Соотношения функций древнерусского и старославянского языков в Киевской Руси. – Киев: Наукова думка, 1993. – 320 с.
44. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. – 185 с.
45. Ходжаян Т.Р. Коннотативные особенности цветообозначений в современном немецком языке. Ереван: Лингва, 2004. – 134 с.
46. Цолмон Ш. Сопоставительное исследование фразеологизмов монгольского и русского языков (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. канд. филол. наук. Элиста: Калмыц. гос. ун-т, 2003. – 96 с.
47. Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, Е.Н. Ищенко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. – 338 с.

48. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика, социально-лингвистический эксперимент: автореф. дис. докт. филол. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1996. – 105 с.
49. Черняк В.Д. Синонимия в русском языке: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Изд. центр «Академия», 2010. – 79 с.
50. Шмелев Д.С. Современный русский язык: Лексика. – Москва: Наука, 1977. – 250 с.
51. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб: СПбГУ, 2003. – 195 с.
52. Эпштейн М.Н. Вопросы литературы. – Москва: ВИРАЖ, 2005. – 349 с.

Статьи из журналов и сборников

1. Daneš Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field// Proceedings of the Plenary Session Papers. – XIVth International Congress of Linguists Organized under the Auspices of CIPL, Berlin 10–15th August, 1987. Berlin, 1987. – С. 272-291.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманитарная сер. Самара, 2006. – № 5 /1 (45). – С. 102-110.
3. Алефиренко Н.Ф. Старославянизмы в лексико-фразеологическом континууме восточнославянских языков [Электронско издание] // Сборник Матице српске за славистику свеска 56–57 (закљученје 30. децембра 1999) / Заједничкиподухват Матице Српске, Пројекта Растко. – Библиотеке српске културе на Интернету, 1999. – С.62-68.
4. Арци-Гончаровский Ж. Wisely non rational – a categorical view of emotional cognitive artificial perceptions, in: Papers from the 1998 AAAI Fall Symposium: Emotional and Intelligent – The Tangled Knot of Cognition, ed. D. Cañamero, Orlando, FL, October 1998 (AAAI Press, 1998). – С. 7-12.
5. Бельдиян В.М. Загадка гения: Пушкин и литературный язык // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 4. – С. 71.

6. Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект)// Вопр. языкознания. 2008. – № 1. – С. 37-65.
7. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. Москва, 1990. – С. 53-172.
8. Богданов В.В. Семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века// Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб./ под ред. А.С. Герда. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – Вып. 5. – С. 6-24.
9. Большакова А.Ю. Архетип – концепт – культура// Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 47-57.
10. Быкова О.И. Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации// Воронеж. гос. ун-т/ Вестн. ВГУ. Сер. лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001. – № 2. – С. 32-38.
11. Вардзелашвили Ж.А. Коннотация и ее роль в метафоризации// Славистика в Грузии. ТГУ. – Вып. 2. – Тбилиси, 2000. – С. 20-29.
12. Воротников Ю.Л. В поисках смыслового каркаса языка// Язык как материя смысла: сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведова / отв. ред. М.В. Ляпон. – Москва: Азбуковник, 2007. – С. 34-38.
13. Георгиева С.А. Сопоставление фразеологических единиц по семантическим группам// Русистика 2003: Язык, коммуникация, культура. Шумен: Изд-во «Епископ Константин Преславски», 2003. – С. 35-43.
14. Зализняк А.А. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте// Язык. Личность. Текст: сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. – Москва: Наука, 2005. – С. 87-90.
15. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл// Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 318-378.
16. Кравец А.С. Деятельностная парадигма смысла// Вестник ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 160-188.

17. Лопатин В.В. Оценка как объект грамматики// Лопатин В.В. Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку. – Москва: Азбуковник, 2007. – С. 537.
18. Миниярова И.М. Основные задачи функционально-когнитивной номинации // Вестн. Башкир. ун-та. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 1461-1464.
19. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд// Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 3-19.
20. Ревзина О.Г. О понятии коннотации// Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сб. науч. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой. Москва: Изд-во МГУ, 2001. – С. 436-446.
21. Степанов Ю.С. Основные законы семиотики: объективные законы устройства знаковых систем (синтактика)// Язык средств массовой информации : учеб. пособие по специализации. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – Ч. 2. – С. 250-276.
22. Титов В.Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков// Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 7-13.
23. Чанышева З.З., Асабин Р.К. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической семантикой// Вестн. Башкир. гос. ун-та. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 1458-1460.
24. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность// Сб. науч. тр. Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. – С. 65-75.
25. Шумилова А.А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы// Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 22 (160). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 33. – С. 144-148.
26. Энг С. Analysis of Dis/Agreement – With Particular Reference to Law and Legal Theory (Special). – Netherlands: Springer, 2003. – 290 с.

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3.: словарь-справочник. – М.: Русский язык, 1999. – 1254 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково- словообразов.: словарь-справочник. – М.: Русский язык, 2000. – 2168 с.
3. Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: словарь-справочник. – Нарзань.: ООО «Пилигрим», 2011. – 528 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь: словарь-справочник/ гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: словарь-справочник. – М.: АЗЪ, 1999. – 1376 с.
6. Словарь церковнославянского и русского языка. В 4 т. Т. 1-4.: словарь-справочник. – СПб.: В тип. императорской Академии наук, 1977.
7. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1-4: словарь-справочник/ под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Аделант, 2014.

Электронные источники

1. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношения с языковым сознанием// Языковые единицы в семантич. и лексикографич. аспектах. – Вып. 2. – Новосибирск, 1998. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z52.html>
2. Касьянова Л.Ю. Оценочная семантика нового слова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/110/009.pdf>
3. Стернин И.А. Концепт и значение// Отдельные статьи (2006–2008). – Режим доступа: http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a